

★ В ★ Я ★ Ч ★ Е ★ С ★ Л ★ А ★ В ★

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

КРЫСА

ШАЛЫГИН

Восход
Водолея

ЭКСМО

Вячеслав Шалыгин

Восход Водолея (сборник)

«ЭКСМО»

Шалыгин В. В.

Восход Водолея (сборник) / В. В. Шалыгин — «Эксмо»,

Что же было на загадочной кассете, за которой охотились сразу несколько спецслужб? И кто растерзал террористов, захвативших самолет? Люди-роботы? Но кто и, главное, как умудряется ими управлять?.. И к тому же в эти тревожные дни природа словно обезумела – землетрясения, ураганы, наводнения следовали одно за другим. Возможно, это жестокая мудрость мироздания стремилась спасти человечество от него самого...Состав сборника:1. Восход Водолея. Повесть2. Атака. Повесть3. Перевернутые дни. Повесть4. Найти героя. Повесть5. Лекарство от счастья. Повесть

© Шалыгин В. В.

© Эксмо

Содержание

ВОСХОД ВОДОЛЕЯ	5
	5
1	7
2	13
3	22
4	29
5	37
6	45
7	53
8	66
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Вячеслав Шалыгин

Восход Водолея

ВОСХОД ВОДОЛЕЯ

«Максимально секретно!»

Код 000

Куратору проекта «Водолей» Кабанову С.И.

Согласовано.

Начальник Специального Агентурного Управления, главный координатор Кравцов Б. М.

Тема: Система «Водолей», выдержки из экспертного заключения.

Страница 2:

...Таким образом, секретный научный проект под условным названием «Водолей» (Система) призван обеспечить наиболее эффективное взаимодействие человека и существующих глобальных сетей: компьютерной, мобильной и спутниковой связи, проводной телефонной, а также радиосвязи во всех диапазонах, включая военные и специальные, что является по сути первым шагом к созданию киберпространства в более широком смысле, чем это было принято понимать на рубеже веков. Киберпространство Системы будет окружать человека повсюду и будет подчиняться его мысленным командам...

Страница 3:

...Глобальное киберпространство, основой которого станет «Водолей», – это «всемирная паутина», умноженная на возможности прочих мировых технологических сетей и возведенная в степень человеческой способности к абстрактному мышлению...

...Новейшие достижения в области оптимизации управления Системой позволяют обходиться небольшим штатом операторов, техников и координаторов, что значительно снижает затраты и способствует сохранению секретности проекта. Все эти новейшие технологии проходят испытания непосредственно внутри самой Системы. Благодаря новым биоуправляемым чипам, разработанным в лабораториях Города-на-дне, передача команд операторов главному процессору «Водолея» уже происходит на уровне мысленного контакта, что, несомненно, повышает надежность и быстродействие Системы, а также позволяет накапливать опыт для последующего применения управленческих моделей в будущем глобальном киберпространстве...

Страница 5:

...При всех перечисленных положительных моментах введение «Водолея» в строй может создать определенные трудности. Грандиозные перспективы и предполагаемая разработчиками роль Системы в решении научных, хозяйственных, а также специальных задач могут остаться лишь проектными заданиями, если научному коллективу и ответственному за проект Специальному Агентурному Управлению не будут переданы особые полномочия...

Страница 7:

...Кроме объективных технических, кадровых, а также организационных трудностей существуют и теоретические научные риски. Некоторые разработчики высказывают опасе-

ния, что в такой развернутой и многофункциональной сети, как Система, дальнейшее совершенствование биоуправления и создание обратной связи между процессором и оператором (см. стр. 3) приведет к возникновению нежелательных побочных эффектов. Конкретно это может выражаться в отрицательном воздействии псевдомыслительных импульсов «Водолея» на психику операторов: от возникновения приступов немотивированной агрессивности до полного подчинения оператора обратным командам Системы. Большая часть ученых считает такие опасения малообоснованными, но имеющими право на существование...

Страница 8:

...Последним в перечне и наименее достоверным риском является замеченная отделом мониторинга неустойчивость погоды, сейсмическая напряженность и активизация естественных природных аномалий в зонах, уже охваченных Системой. По наблюдениям сотрудников отдела, наибольший процент труднообъяснимых природных феноменов наблюдается вблизи главных ретрансляционных узлов «Водолея» и региональных энергетических станций. Пока никакой убедительной версии, объясняющей возникновение нестандартных ситуаций вокруг периферийных узлов Системы, у сотрудников отдела нет...»

– К сожалению, это все, что нам удалось добыть, – Дмитрий спрятал листки компьютерной распечатки в карман, – но даже этого достаточно, чтобы понять, насколько серьезная опасность нависла над страной!

– Да? – его собеседник снял и медленно протер очки в старомодной оправе. – Я пока не вижу ничего страшного. Очередной этап в развитии технической цивилизации. Была глобальная сеть, теперь она станет «сетью сетей», да еще и людей в себя включит. Образуется окончательный симбиоз человека и машины. Система будет нервами, спинным мозгом и основным субстратом головного мозга, а человечество – его серым веществом. Разве вы не к этому стремились?

Он снова надел очки и внимательно взглянул на Диму. Тот упрямо поджал губы и покачал головой.

– Нет. Так человек себя погубит. Он окончательно разорвет связи с природой и погибнет среди электромагнитных полей и всяческих сетей.

– Возможно, да, возможно, нет, – собеседник пригладил седые волосы. – Но чего вы хотите от меня?

– Помощи, – Дмитрий опустил взгляд. – Я признаю, мы были не правы, отстраняя вас от работы, и теперь пришла пора в этом раскаяться.

– Неужели все настолько скверно? – удивился седой. – Но чем же я сумею вам помочь? Я всего лишь наблюдаю. Управлять высшими силами или как-то влиять на события я не могу.

– Я понимаю. И все равно прошу помочь. Ситуация складывается таким образом, что мы вынуждены использовать любые возможности, чтобы как-то изменить ход событий. Если не прямо, то хотя бы косвенно: вы неспособны повлиять на высшие силы, но, возможно, к вам прислушаются втянутые в авантюру люди?

– Признаюсь, Дима, вы меня заинтриговали, – внешне собеседник оставался спокойным, но в его глазах зажглись искры неподдельного интереса. – Один вопрос: как вы сообразили, что следует обратиться именно ко мне? Разве у Конторы мало других консультантов?

– Я вспомнил ваши стихи, – признался Дмитрий. – Первая строка там начинается со слов «Туман строптив...», так?

– Почти, – пожилой улыбнулся.

– Когда начались наши неприятности, тоже был туман...

1

ЗА ГОД ДО ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ. ТУМАН

Верхушки деревьев подобострастно кланялись, теряя листву и мелкие ветви. Ветер от лопастей ввинчивался между ними, поднимая с земли прелые ошметки прошлогоднего листопада.

– Ниже!

Борис, проверяя, подергал страховочный ремень и встал на дугу-подножку. Вертолет был отечественным и совсем новым, но очень уж напоминал устаревшую заокеанскую машину с дугами вместо шасси. Пилоты даже называли ее на буржуйский манер – «чарлик». Зачем было передирать конструкцию? Своих, что ли, мало?

– Брюхо пропорем! – крикнул пилот.

– Ниже, тебе говорят! – Борис указал большим пальцем вниз.

Жест можно было понять двояко. Как приказ и как угрозу.

Верхушки тряслись, словно припадочные, и уже совсем близко, в каком-то метре. Борис подрегулировал яркость прибора ночного видения.

– Вот они! – он махнул пилоту, указывая направление. – Садись!

Вертолет чуть дернулся и, наклонившись, словно упрямый бычок, пошел вперед, едва не цепляясь за деревья. Борис снял «винторез» с предохранителя и упер приклад в плечо. Еще немного – и машина беглецов покажется из-под разлапистых ветвей вон тех елей, слегка разбавивших лиственный лес.

Есть. Обычный «уазик-санитарка». В меру «убитый» и на лесной дороге уместный до полной гармонии. На чем еще ездить по грибы да по ягоды, как не на такой технике? Не ночью, конечно, но в остальном все сделано грамотно. Еще немного... Борис поймал в прицел силуэт водителя.

«Уазик» резко свернул с просеки и заковылял по буграм в сторону голых лесин. Услышали, наверное, гады. Но это их не спасет. Там впереди болото. Сами себя загнали. Теперь не уйдут.

По днищу винтокрылой машины проскрежетала верхушка ели. Борис забрался обратно в салон и положил винтовку на колени.

– Садись, где сумеешь!

Пилот кивнул. Вертолет пошел вправо, описал полукруг и начал снижаться. «Уазик» надрывно гудел и чавкал всеми четырьмя колесами по грязи меж болотных кочек примерно в полукилометре к югу.

До земли оставалось метра два, а Борис уже спрыгнул с борта. Следом за ним вертушку покинули еще трое. Двое экипированных, как заправские спецназовцы, мужчин и одна женщина в спортивном костюме.

– Ждем остальных! – приказал Борис.

Его спутники взяли женщину под руки и оттащили к окраине темного леса. Борис остался рядом с «чарликом». Когда лопасти машины уgomонились, Борис раскрыл пульт, внешне – один в один недорогой ноутбук, и набрал код базы.

– На связи, – в экране появилось изображение координатора. – Пятый оператор готов.

– Почему пятый? – сурово спросил Борис. – Разве это его район?

– Четвертого пришлось временно отстранить.

– Опять крыша сдвинулась?

– Самую малость, – координатор усмехнулся. – Сами понимаете, такая напряженная работа... Но эскулапы обещают восстановить. Говорят, еще послужит.

– Последняя поблажка, – Борис покачал головой. – Еще раз взбрыкнет, вернем, где взяли.

– Да он на самом деле прихворнул, не прикидывается.
– Что это ты его защищаешь? Подружился?
– Никак нет!
– То-то. Где группа прикрытия?
– На подлете...
– А-а, вижу... – Борис проследил взглядом за двумя садящимися поблизости вертолетами. – Начинаем в четыре тридцать. На рассвете все кошки серы... Подтвердить прием.
– Начало в четыре тридцать!
Борис закрыл пульт и махнул рукой высадившимся из прилетевших машин людям.
– Сюда, подтанцовка!

Он отсоединил прибор от бортовой сети и сложил в кожаный кейс с длинным ремнем. Повесив поклажу за спину, он положил «винторез» на сгиб локтя и неторопливо направился в лес. Туда, где несколькими минутами раньше скрылись двое мужчин и женщина.

– Борис Михалыч, – его догнал один из участников «подтанцовки», – сверху мы видели грибников или туристов... там, в километре отсюда. Две палатки. Может, их тоже... подключить?

– Ты задание читал? – не глядя на помощника, бросил Борис. – Пока отрабатываем одиночку. Да и свободных операторов нет.

– А если не справится? Объектов же пятеро, а она одна.

– Тогда мы поможем, – Борис искоса взглянул на семенящего рядом товарища и вдруг резко направил ему в лицо луч фонарика. – Ивлев, ты сегодня брился?

– Я? – Ивлев провел ладонью по щеке. – Да, утром. Просто получается – скоро сутки пройдут...

– Будешь снимать кино, – Борис остановился.

– Есть, – помощник остановился рядом.

Назначения на самый опасный участок он явно не ожидал и теперь выглядел немного растерянным. Борис вручил ему видеокамеру и хлопнул по плечу.

– Иди, иди. Буер к беглецам уже, наверное, вплотную подкрался. Только тебя там и не хватает. Вперед, дармоед!

Борис говорил с издевкой, но понимать его следовало буквально. Кроме спорной небриности, Ивлев не провинился ни в чем и такого отношения к себе не заслужил, но у Бориса о дисциплине, а также методах воспитания личного состава имелось особое мнение. «Право командира», как он сам это называл, в его понимании было главнее устава. Тем более в специфических условиях, например, при проведении тайных операций. «Доставать» подчиненных, придирается по мелочам и обращаться с ними, как с быдлом, он считал не только правильным, но и необходимым. Спецотряду Службы Системной Безопасности достался не самый душевный начальник, но выбирать подчиненным не приходилось.

Ивлев припустил по мягкой лиственной подстилке и очень скоро догнал первую группу. К беглецам она еще не подобралась, но отчаянные завывания «уазика» были слышны отчетливо. Четверых «системщиков» от машины отделяли тридцать-сорок шагов по редколесью.

Ивлев присел рядом со старшим группы – невысоким, жилистым бойцом по кличке Буер.

– Вон там, видишь? – Буер указал на расплывчатый в сумерках силуэт «санитарки». – Сели на пузо. Теперь им никакие «мосты» не помогут. Хоть два, хоть восемь. Была бы лебедка, как у «Лендровера», может, и выползли бы... А так... кранты. Только пехом.

– Сдались бы сразу, я б их даже пожалел, – заметил второй боец группы, зябко передергивая плечами. – Колотун под утро, как будто осень...

– Август. – Ивлев привстал, вглядываясь в сумрак: – Толкают...

– Да бесполезно это, – Буер коротко махнул рукой. – Дохлый номер. Бежать им надо, а не с «бобиком» бодаться...

– Никакого чутья на опасность, – усмехнулся второй боец. – Любители. Им надо было еще там, на трассе, спокойно лечь мордами в асфальт – и все дела...

– Ну, ты-то у нас профи... – Буер расплылся в ухмылке.

Его напарник хотел что-то ответить, но Буер вдруг подал знак замолчать и прижал указательным пальцем мочку уха. Спустя пару секунд, буркнув «есть», он отнял палец и кивнул на безучастную ко всему происходящему женщину.

– Пора выпускать нашу куклу. Ивлев, камера готова?

– Сейчас, – спохватился Ивлев.

Он достал из кармана «разгрузки» видеокамеру и установил нужный режим.

– Прожектор бы, – пробормотал второй боец. – Темно, как в яме, да еще туман собирается.

Туман действительно быстро расползлся между деревьями, но не легкой дымкой, а густыми клубами. В некоторых местах он слоился, как табачный дым в запертом помещении, а в некоторых принимал разные, почти правильные формы вроде невысоких цилиндров и конусов. А еще казалось, что он будто живой тянется к людям. Никто на этот странный факт особо не реагировал, но, например, у Ивлева возникло ощущение нереальности окружающего мира.

– Ничего. Что получится, то и ладно. – Буер снял с плеча короткий автомат с удлиненным магазином и вручил женщине: – Сорок патронов. По восемь на каждого. А это на всякий случай...

Он застегнул на ее пояс ремень с ножами. Клинок в них был женщине явно не по руке – настоящий мясницкий тесак, но Буер почему-то решил, что в случае необходимости она справится. Ивлев сначала удивился, но после вспомнил, как снаряжали на прошлое задание двоих агентов-мужчин. Вот так же дали им по автомату, правда, с двойными магазинами, а после – одному положили в карман тяжелый шипастый кастет, а другому сунули за пояс обычную заточенную отвертку. Отстрелялись тогда ребятаки неважно, зато «подручными средствами» выполнили задание на все сто. Страховал этих агентов не Ивлев, но что осталось от двенадцати хорошо вооруженных бандитов после того, как их – в родных горах – обработали два столичных студента, один с кастетом, другой с отверткой, он хорошо представлял. Недаром четвертый оператор до сих пор не мог прийти в себя. Ведь он-то участвовал в деле не так, как группа подстраховки. Не сидел в кустах, ожидая развязки, и даже не снимал действия агентов на видео. Ему досталось гораздо больше, сильнее и глубже...

– Мотор, – Ивлев включил камеру и направил ее на очертания «уазика», вокруг которого суетились четыре тени. Пятая склонилась над баранкой.

– Заложник в салоне. Мужчина около сорока, руки скованы, – закончил инструктаж Буер. – Пошла!

Женщина сняла автомат с предохранителя, придерживая рычажок затворной рамы, мягко, почти бесшумно дослала патрон и растворилась в туманном сумраке. Ивлев видел, как мелькнула она среди ближайших деревьев, и вдруг ее силуэт вынырнул уже непосредственно рядом с машиной.

Три длинные очереди – и стальной дятел выдолбил из-под жестяной коры «санитарки» троих «червячков». Водитель обнял баранку, навалившись на клаксон, и по утреннему лесу разнесся громкий вой придавленной кошки. Двое других убитых соскользнули в канавы, проорытые колесами застрявшего вездехода, и распластались там с вытянутыми вперед руками. Словно пытались дотянуться до заднего бампера «уазика». Двое уцелевших бросились бежать. Один вдруг споткнулся, выгнулся назад дугой и рухнул в болотную жижу. Силуэт женщины на пару секунд задержался рядом с упавшим. Она присела, выдернула из его спины нож, а затем снова вонзила клинок в тело поверженного противника. А потом еще и еще... Ее рука мелькала с немыслимой скоростью, а брызги крови шлепали по стволам деревьев, лужам и лицу женщины громко и отчетливо. Чем-то эти звуки напоминали щелчки, которые издает поджа-

ренный попкорн... За все время этой кошмарной сцены на лице женщины не дрогнул ни один мускул.

Ивлев невольно задержал дыхание, его замутило. Наконец женщина сунула нож за пояс, рукавом размазала по равнодушному лицу капли чужой крови и бросилась догонять последнего из беглецов. Он ломился сквозь кусты, как раненый олень, и вычислить его было несложно даже в маскирующем предрассветном полумраке.

Ивлеву пришлось сменить позицию, перебежав вперед и влево метров на пятьдесят. Участка, где разыгрался финальный эпизод, с прежнего места видно не было из-за деревьев и клубящегося тумана, который незаметно стал каким-то «крупнозернистым», словно его мельчайшие капельки, не лишаясь способности парить в воздухе, увеличились в сотни раз. А еще «заземленные облака» образовали новую композицию: по всей клубящейся над болотом пелене и между деревьями колыхались невысокие спиралевидные столбы. Очередная причуда просыпающейся природы снизила видимость и вовсе до минимума. Ивлев снова перебежал от дерева к дереву и очутился буквально в десяти шагах от сломанных кустов.

Пока Ивлев маневрировал, женщина догнала беглеца и сбила его с ног ударом приклада в затылок. Мужчина рухнул между кочек и не шевелился, но исполнительнице этого показалось мало. Она уселась на беглеца верхом, откинула его голову назад и вынула тесак. В животе у Ивлева похолодело. Рука с видеокамерой задрожала, хотелось зажмуриться и бросить все к чертовой матери, но он заставил себя не только держать камеру направленной на место расправы, но и смотреть.

Смотреть, как методично движется лезвие, как дергается в конвульсиях тело, как куда-то вперед, между кочек, хлещут две упругие струи, как резко они иссякают... Как небрежно выпускает из рук почти отделенную от тела голову беглеца эта эмоциональная, словно столб, молодая блондинка. Как встает и, сохраняя неподвижную маску на лице, удовлетворенно потягивается. Будто после просмотра приятного фильма...

Нервы у Ивлева все-таки не выдержали, но случилось это почти вовремя. Дольше задерживаться у места убийства было незачем. Полагалось еще заснять оба тела вблизи, но оператор решил, что все было видно и так. Он отошел к «узику» и присоединился к основной группе, которая вытаскивала из машины заложника. Забота о женщине-агенте лежала на Буере. А Ивлева это больше не касалось... слава богу.

Он снял процесс освобождения, взял крупный план лица мужчины, распахнутые задние дверцы, салон машины, номера, содержимое деревянного ящика под лавкой: два автомата, магазины и патроны в пачках.

– Я ж говорю, любители, – в кадре появилась физиономия буеровского напарника. – Пошли толкать, а пушки здесь оставили. Фраера.

– Не мешай, – оператор оттеснил его к боковой двери.

– Ивлев, все заснял? – крикнул снаружи Борис. – Контрольные кадры сделал?

– Не успел еще... я сейчас, – Ивлев выпрыгнул из машины и заставил себя навести объектив на тела двоих убитых, лежащих позади «санитарки» в позах ныряльщиков.

Уже почти рассвело, и даже без цифровой обработки было видно, какие раны нанесла этим несчастным странная женщина. Вместо спин у «ныряльщиков» было сплошное месиво. Каждому досталось не меньше чем по десятку пуль, да еще в упор. До ноздрей оператора доносился отчетливый запах крови. Ивлев почувствовал, что его вполне может стошнить. На виду у товарищей. И это было недопустимо. Становиться объектом насмешек он не собирался.

Сделав пару шагов назад, Ивлев несколько раз глубоко вдохнул. Тошнота отступила. Для комплекта требовалось заснять шофера. Вернее, то, что от него осталось. Оператор обошел «узик» слева и остановился напротив водительской дверцы. Последние двадцать патронов женщина-исполнитель выпустила в голову шоферу. Зачем и почему – вопрос отдельный, но факт можно было считать установленным без всякой экспертизы. Там, где у людей обычно

расположена голова, у этого шофера было нечто бесформенное и втрое меньше, а стенки и остатки стекол кабины покрывал слой кровавой каши.

– Всадник без башни, – резюмировал неумолимый напарник Буера.

– Ты читаешь книги? – Ивлев перевел объектив на бойца.

– Только устав! – приняв пародию на строевую стойку, отрапортовал воин.

– Отставить кривляние перед казенной камерой, – строго отчеканил Буер, проходя мимо под ручку с вновь безучастной ко всему женщиной. – Лучше столкни водилу с баранки. Уши закладывает.

Напарник Буера залез в кабину и высвободил кнопку орущего клаксона из-под водительских останков. Оператор в это время проводил Буера и женщину объективом, удерживая крупный план. Лицо агентки было расписано кровью, словно маскировочными полосами. Костюм и руки тоже сплошь в крови. И это никак не вязалось с той внешностью, что угадывалась под маскировкой из бурых пятен. Стянутые на затылке в хвост белокурые волосы, глаза какие-то безжизненные, словно из голубого хрусталя, но красивые, губы бледные и все равно волнующие... Шла она медленно и плавно, будто по воскресному проспекту, а не по лесу, в котором окровавленным убийцам лучше бы не задерживаться, однако Буер ее не торопил. Парочка прошла между двумя столбами тумана, и они неправдоподобно быстро растаяли. Ивлев заинтересованно оглянулся. Лес и видимая часть болота были абсолютно чистыми, без малейшей дымки. Словно минуту назад здесь и не было никаких причудливых серых клубов и слоистых пластов тумана.

– Стоп мотор, – прозвучало над ухом у Ивлева. – Снято.

Оператор выключил камеру и молча отдал ее Борису.

В этот момент Буер и женщина поравнялись с освобожденным заложником, и тот уставился на спасительницу с неподдельным изумлением. Возможно, то, что именно она освободила его из плена, мужчина осознал только сейчас. Ведь все время операции он просидел внутри «уазики».

– Бл..! – Борис бросился к заложнику. – Шорников, не смотреть! Кругом! Буер, уведи ее! Быстро!

Буер испуганно взглянул на разъяренного начальника и накиннул на голову женщине капюшон ее спортивного джемпера.

– Кто она? – хрипло спросил освобожденный.

– Вам этого знать не положено, – отрезал Борис. – Сейчас отвезем вас в закрытую клинику, там вы придете в себя, подлечитесь, а после улетите за государственный счет домой. Возможно, с кое-какой компенсацией в кармане. Но это произойдет при одном условии...

– Я забуду все, что видел сегодня ночью, – предположил мужчина.

– Верно, – Борис кивнул. – Рассказывайте, что была стрельба, вы легли на пол. Когда все стихло, вас освободили спецназовцы. Никаких женщин и шоферов без головы. Ясно?

– А в противном случае...

– Его не будет, – твердо ответил Борис. – Либо вы пользуетесь моей версией, либо освобождение заложника выйдет неудачным. Или неумолимый рок настигнет его уже на свободе. Например, откажут тормоза у машины или что-то в этом роде. Понимаете?

– Вполне.

– Я рад, что могу вернуть отечественной радиоэлектронике ведущего специалиста, – Борис пожал ему руку.

– Один вопрос, – мужчина задержал ладонь Бориса. – Эта женщина... под наркотиком?

– Нет, – Борис расплылся в загадочной улыбке. – У каждой фирмы есть свои секреты, Виктор Валентинович. И, заметьте, я не расспрашиваю о ваших...

– Извините, – Виктор выпустил его руку.

– Идемте, – Борис указал на просвет между деревьями. – Вертолеты там, на опушке...

Едва они отошли, место побоища снова накрыл туман, но теперь без выкрутасов. Ровный и не слишком густой. Вот только почему-то красноватый. Шедшая навстречу группа зачистки в замешательстве остановилась. Борис и Виктор тоже замерли и обернулись. Некоторое время они молча наблюдали за неторопливым движением красноватой дымки, но потом Борис нашелся:

– Это восход, – он насмешливо взглянул на старшего вспомогательной группы. – Туман преломляет первые лучи...

– А-а, ну да, – старший кивнул. – Я тоже так подумал...

– За дело, – Борис указал большим пальцем за спину, а свободной рукой подтолкнул освобожденного заложника вперед.

– Ну, чего встали?! – рявкнул на подчиненных старший группы. – Тумана не видели никогда?!

– Такого – нет, – сказал кто-то.

– Разговорчики! В цепь! Зачистка по плану номер четыре...

2 ВОЗДУХ

Над городом тоже плыли облака и даже тучи, но видимое движение воздушных масс по спирали, да еще и с необычным резким разворотом у центра в обратную сторону, наблюдалось только здесь, поблизости от аэропорта. Эти искаженные облачные массивы выглядели величественно, хотя и довольно странно. Светлые облака и темные тучи перетекали друг в друга, словно символы «инь» и «янь»...

Главный координатор Системы оторвался от завораживающей небесной карусели и, предлагая продолжить доклад, взглянул на подчиненного.

– Система работает, это все, что я могу добавить, – координатор южного округа раскрыл папку. – Здесь коротко обо всех происшествиях, которые могли стать громкими преступлениями, не будь в округе отделения «Водолея».

– Статистика мне известна, – собеседник скользнул взглядом по листкам в папке и вновь уставился в окошко лимузина. – Я хочу услышать ваше личное мнение. Ведь вы не рядовой сотрудник, а глава целого участка, причем самого напряженного.

– Еще год – и мы снова сделаем этот регион всероссийской здравницей, как в былые времена, – координатор усмехнулся. – Спокойной и безопасной. Я верю в проект и не предвижу никаких проблем. Система «Водолей» – самое эффективное лекарство от болезней нашей страны. Да и других тоже. Терроризм, похищения людей, торговля оружием и наркотиками – чума нового века...

– Заканчивай эту лабуду! – взорвался собеседник, угрожающе наклоняясь к координатору. Впрочем, он тут же успокоился и вновь откинулся на спинку. – Ненавижу эти штампы. Стандартные фразы для серых народных масс, штампованная идеология новых рыночных отношений и возрождения непобедимой империи, только не красной, а трехцветной. Тьфу! Блевать хочется от такой политики. И от наших близоруких политиков тоже. Они же сначала требуют показать результат, а уж после – может быть! – выделяют статью финансирования.

– Система – это сила, реальные возможности которой не представить даже самому дальновидному политику, – тщательно подбирая слова, высказался покрасневший координатор. – А потому самое разумное – обойтись без них.

– Другое дело, – гость из центра удовлетворенно кивнул. – Может, оно и к лучшему, что политики не лезут в долю и не дают нам ценные указания. Без них, конечно, не обойтись, но об истинной сути проекта им знать необязательно. Как у тебя с побочными эффектами?

– Как у всех, – координатор вздохнул. – Мы называем это «красным смещением»... Сначала меняли операторов, тестировали-отлаживали аппаратуру, отбирали агентов, как в отряд космонавтов, а потом смирились. Никакие хитрости не помогают. Может, надо изменить что-то в конструкции основного блока?

– Чтобы лезть в главную схему, нужен специалист. А у нас таковых нет и никогда не было. Потребуется приглашать либо самого изобретателя, либо кого-то из его лаборатории. А представь, как удивится «отец» Системы, когда узнает, во что превратили его детище хитроумные секретные последователи. Его заочные, так сказать, аспиранты из Специального Агентурного Управления, бывшего спецотряда СБ...

– Но ведь мы начали кампанию по постепенной легализации «Водолея», а если данные по «красному смещению» всплывут, все пойдет насмарку...

– Не всплывут! – начальник хлопнул ладонью по кожаному подлокотнику. – О «смещении» знают только специалисты САУ. Даже наш куратор ни сном, ни духом. Так все и останется. Побочные эффекты будем устранять с помощью тщательной зачистки. И не в переносном смысле, а в прямом: лопаты, ведра, тряпки, пылесосы... И это одна из ваших главных задач!

– Я понимаю.

Лимузин остановился. Столичный гость вновь перевел взгляд за окно. Сквозь прутья высокого забора виднелись изящные белые силуэты воздушных лайнеров. Вокруг ближайшего самолета было втрое больше людей и техники, чем у прочих. Объяснялось это просто. Самолет был захвачен.

– Взлетели нормально, – тоже глядя на лайнер, пояснил координатор. – Вдруг условный сигнал. «Захват». Террористы потребовали лететь на юг. По предварительным оценкам, их четверо или пятеро. Действовали грамотно. Пока главарь вел переговоры с землей из кабины, остальные контролировали пассажиров и экипаж. И все бы у них получилось, да вмешался случайный фактор жадности.

– Это ты красиво сформулировал, – начальник усмехнулся. – Перегруз, что ли, был?

– Так точно. Выяснилось, что имеется перегруз багажа, и чтобы уложиться во взлетную массу, взяли мало керосина. До южной границы никак не дотянуть. Потребовалась посадка для дозаправки. Ну вот и сели. Местные специалисты из известной нам федеральной службы пытались заговорить террористам зубы и подвести дело к штурму. Но террористы оказались не лыком шиты. Следили за поляной во все глаза, и обмануть их не удалось. Они заметили телодвижения спецов и тут же выбросили труп одного из стюардов. Пришлось доблестным чекистам отойти и вспомнить о секретном приказе номер сто семь. Насчет взаимодействия с нами.

– Ясно, – гость поправил галстук. – Когда думаете начать?

– Как только начнется закачка топлива. Этот успокаивающий факт немного ослабит бдительность террористов, и мы этим воспользуемся.

– Операторы опытные? Случай необычный – придется работать с абсолютно свежими исполнителями.

– Двое операторов работали в Конторе и специализировались как раз на таких делах, третий – бывший сотрудник транспортной милиции. Занимался тем же, но по другой линии. И в САУ – Системной Безопасности – все трое с самого начала. Успех гарантирован.

– А как у них с личностными характеристиками? Побочного эффекта будет по колено?

– Вообще-то, они ребята спокойные, но ведь вы знаете, когда дело касается Системы, никакие достоинства не спасают...

– Жаль, не получится заснуть, – столичный гость открыл дверцу и вышел из машины.

Над летным полем тучи наконец победили «светлое начало», и начал накрапывать дождь.

Из здания терминала появились двое мужчин в одинаковых костюмах. Они быстро подбежали к лимузину и приклеили к физиономиям выражения глубочайшей преданности начальству.

– Здравствуйте, Борис Михалыч, – один раскрыл над гостем зонтик.

– Привет, Ивлев, – начальник походя кивнул. – Давно не виделись.

– Почти год, – Ивлев старался говорить ровно, но в голосе все равно угадывалось волнение.

За последний год его бывший командир поднялся на недостижимые высоты. Из командира спецотряда Системной Безопасности он превратился в главного координатора всей Системы, в которой бывшей СБ, а ныне Управлению, отводилась тайная и почетная, но вспомогательная роль. Выше Бориса в иерархии стояли только таинственный создатель проекта и куратор – вице-премьер, отвечающий в правительстве за военные и секретные разработки. Ивлев за то же время сумел выбиться из рядового сотрудника СБ в старшие оперативники САУ. Поднялся ровно на одну ступень. Прогресс сомнительный. Особенно для такой динамично развивающейся конторы, как Специальное Агентурное Управление. Как тут не разволноваться при встрече с бывшим непосредственным начальством.

– Кто командует? – Борис наконец соизволил взглянуть на Ивлева. – Ты, что ли?

– Так точно!

– Ну, ну, – главный координатор усмехнулся. – Показывай, чему научился.

– Сюда, пожалуйста, – Ивлев указал на крытый переход в диспетчерскую башню.

Они прошли в святая святых аэропорта и расположились у большого окна. Отсюда самолет и подступы к нему были видны как на ладони.

– Операторы готовы? – обратился Ивлев к младшему координатору операции.

– Готовы, – тот деловито склонился над «системным» пультом.

Его экран был поделен на три части. В каждом окне высвечивались показатели одного оператора: пульс, давление, ритм мозговых волн и так далее. Увидеть мир глазами исполнителей пока не удавалось никому, кроме операторов; транслировать картинку на экран было вне возможностей Системы. Приходилось целиком доверять тщательно подобранным операторам. Почти целиком. За ними следили координаторы, а за теми – еще и начальство вроде Ивлева. Опытный оператор вполне мог в одиночку следить за тремя, а то и пятью исполнителями. А один координатор наблюдал за медицинскими показателями и поддерживал аудиосвязь с тремя-пятью операторами. В целом ничего сложного. Ведь промежуточным звеном была Система. Она расширяла возможности специалистов в любое посильное количество раз. Надо было только раскрыть сознание и позволить «Водолею» воспользоваться ассоциативными способностями человеческого мозга. Но чтобы «раскрыться», операторам, как ни парадоксально, требовалось сосредоточиться. И не только им.

В присутствии большого начальства сосредоточенность всех сотрудников взлетела до запредельных высот. Произвести благоприятное впечатление на «южного» и «главного» было делом чести не только для Ивлева, но и для его подчиненных. Ведь по результатам операции любой из них мог занять место непосредственного начальника. Стоило только отличиться. Рабочая конкуренция в САУ приветствовалась.

Ивлев взглянул на Бориса. Тот одобритительно кивнул.

– Выпускаем кукол, – отдал Ивлев необычный, но ставший уже традиционным приказ.

В иллюминаторах самолета погас свет, и в диспетчерской повисла напряженная тишина.

– Радиосвязь с кабиной, – приказал Борис.

– Связь молчит, – ответил связист аэропорта.

– Плохо.

– Мы направили на иллюминаторы самолета дистанционные микрофоны и лазеры, – сказал Ивлев.

– Так какого черта не включаете?! – рявкнул Борис.

– Они включены, – возразил Ивлев.

– Но там тихо, как в могиле, – негромко заметил «южный» координатор. – Мы опоздали?

– Нет, просто «Водолей» подбирает исполнителей, – воспользовался возможностью отличиться координатор за пультом. – Редкое явление, но, когда работаем без подготовки, такое случается.

– А если Система выберет самих террористов? – задумался «южный». – В последнее время приемники ее сигнала имеют даже дети...

– На этот случай есть операторы, – вежливо возразил Ивлев. – В их задачу как раз и входит корректировка действий Системы. Они не допустят подключения к ней злоумышленников. Я думаю, они выберут кого-то из членов экипажа.

– Первый и третий операторы вошли в контакт, – доложил младший координатор. – Второй тоже! Можно начинать.

– Пошли! – дал отмашку Ивлев.

В ту же секунду динамики громкой связи разорвали тишину диспетчерской десятками голосов. Пассажиры кричали, слышалась какая-то возня и неприятные хлюпающие звуки. В иллюминаторах сверкнули несколько вспышек. Это обстоятельство заставило Ивлева насторо-

житься, но никаких выстрелов за вспышками не последовало. Видимо, это было что-то другое. Террористы, конечно, утверждали, что вооружены пистолетами, но верить им не следовало. Даже после того, как в самолете что-то подозрительно сверкнуло.

– Если это было какое-то бесшумное оружие... – начал было «южный».

– Даже бесшумные пистолеты издают характерный звук, – возразил Борис. – Максимум, что есть у террористов, – ножи.

– Но что-то же там сверкнуло. Да и стюарда они убили выстрелом в затылок.

– Разберемся позже, – отмахнулся Борис. – Тем более больше не сверкает...

Постепенно панические крики и визг слились в сплошной хриплый вой. Пассажиры были на грани сумасшествия.

– Может, им посветить чуть-чуть, – предложил младший координатор. – Прожекторами. Иначе совсем тронутся. Темнота и монстры, рвущие людей в клочья... это не каждый выдержит.

– Если они увидят «побочный эффект» во всей красе, будет еще хуже, – ответил Ивлев. – Передай операторам, чтобы опустили на иллюминаторах шторы.

Он повернулся к своему заместителю.

– Буер, скажи аэродромным техникам, пусть подгоняют трапы и цепляют тягач. Основную группу на борт, вторую и третью – в оцепление. В самолет не пускать никого, кроме своих. Даже чекистов!

– Есть, – Буер неслышно выскользнул из диспетчерской.

Ивлев обернулся к Борису и «южному».

– Сейчас выгрузим пассажиров в автобусы и отгоним самолет в ангар.

– Не лучше ли выпустить граждан внутри ангара? – засомневался «южный».

– Это означает продержат пассажиров в самолете лишние полчаса, – возразил Ивлев. – Нельзя так с людьми...

– Все правильно, – поддержал оперативника Борис. – Чем меньше они там пробудут, тем меньше расскажут. Отвезите заложников в зал для важных персон, и пусть с ними поработают психологи и следователи. Заодно и одежду в порядок приведут.

– Заодно и обыщут, – в тон ему добавил «южный». – У меня появилось одно нехорошее подозрение насчет этих вспышек...

– Фото? – предположил Борис.

– Вот именно, – согласился координатор. – А нам это надо?

– Чекисты будут против, – заметил Ивлев. – Это же их работа.

– С Конторой я все улажу, – пообещал главный. – Не в первый раз.

* * *

Черные тучи над аэропортом принимали форму перевернутых гор, с провалами «ущелий» вверх и толстыми щупальцами «вершин», направленными вниз, будто бы собирался сформироваться торнадо не меньше чем пятой, максимальной, категории. Дождь хлестал все сильнее, но гром доносился откуда-то издалека, с периферии грозового фронта, а молний вовсе не было видно, одни отблески. От ударов частых тяжелых капель трап гудел, как перетрудившийся барабан.

– Граждане, выходим организованно, без паники, не забывайте свои вещи...

Оцепление набросило капюшоны однотипных полупрозрачных плащей, а многие из стоящих у трапа людей раскрыли зонты. Лавров чуть задержался на верхней площадке, глубоко вдохнул и быстро спустился вниз. После духоты и тошнотворного запаха в салоне свежесть обыкновенного дождя казалась чудом. Свет прожекторов, отблески в лужах, сверкающий, словно антрацит, мокрый асфальт, тяжелые дождевые капли, голоса, мельтешение лиц... Голова кружилась и без них, а с ними и вовсе хотелось сесть прямо на ступени трапа и забыться. Нерв-

ное напряжение не отпускало, хотя кошмар остался позади, теперь это было понятно. Владимир прижал к животу сумку и оглянулся. Следующий пассажир появился на трапе, только когда Лавров ступил на землю. Станные вежливые люди в строгих костюмах были неумолимы и выпускали людей по одному. Плотная очередь рыдающих, подавленных, подвывающих от ужаса или стиснувших зубы пассажиров – каждый реагировал на произошедшее по-своему – толкалась и тряслась в проходах между рядами кресел, словно по ней пустили ток. Лампы в салоне так и не включили, но даже в жалких люках забортного света, пробивающегося сквозь пластиковые шторы, были видны и огромные темные кляксы на стенах, и брызги на белоснежных салфетках подголовников. А еще многие пассажиры никак не могли стереть липкие брызги с лиц и одежды, размазывая их вместе с собственными слезами и соплями. И этот запах... Лаврова передернуло. Кондиционеры выключились сразу после того, как заглохли двигатели, и в спертом воздухе запах крови был особенно насыщенным, каким-то густым и вязким. Владимир точно знал, как пахнет кровь и развороченные внутренности. Но когда он сталкивался с этими ароматами в прошлом, их обязательно сопровождала гарь и пороховой дым. Теперь к запаху крови присоединялась только углекислотная духота и запах страха.

– Пройдите в автобус, – чьи-то руки направили Владимира в нужную сторону.

Он перехватил сумку поудобнее и запахло легкой куртки. Автобус был почему-то не аэродромным, а обычным, и в нем оставалось всего одно свободное кресло. Когда Лавров поднялся в салон, двери закрылись, и автобус покати к терминалу, а на его место тут же подогнали другой. «Хотя бы здесь без толчеи и паники, – мелькнула мысль. – Психологически сделано верно. Соображают... А везут наверняка в отдельный зал. Для подробной беседы и досмотра...»

Лаврова мысль о досмотре почти не взволновала. Ничего особенно при нем не было. Вернее, почти ничего... В сумке поверх вещей лежал фотоаппарат. Обычная «мыльница». Полный примитив, разве что с автоматической перемоткой. Владимир сунул руку в сумку и, нащупав аппарат, нажал кнопку. Пленка была всего на двенадцать кадров и смоталась быстро. Лавров, так же на ощупь, открыл фотокамеру и вынул пластиковый цилиндр. Эту пленку следовало сохранить во что бы то ни стало. Чутье репортера подсказывало Владимиру, что правду об этом освобождении никто не расскажет. А раз так, на пяти кадрах уникального фоторепортажа о немыслимом бое и его последствиях можно будет заработать неплохой капитал. И даже очень неплохой капитал. Надо только придумать, как сохранить пленку.

Автобус остановился вплотную к дверям зала для приема особо важных персон, и сопровождающий пассажиров человек в штатском предложил всем по одному пройти в терминал. Лавров взглянул в окно и увидел, что со стороны зала прилета идут какие-то энергичные люди. Судя по каменным лицам, намерения у них были также самые решительные. Надвигался явный скандал. Будет он долгим или угаснет после первого же выпада-ответа, Владимир гадать не стал. Он вне очереди протиснулся к дверям и вышел из автобуса.

– Всем оставаться на месте! – крикнул один из приближающихся людей.

– Не задерживайтесь, проходите в помещение, – негромко приказал сопровождающий непосредственно Лаврову.

– Стоять, я сказал! – рявкнул все тот же «штатский».

Владимир сделал вид, что колеблется, и шагнул в сторону, к двери в общий зал вылета. От «вип»-выхода ее отделял всего один трехметровый стеклянный пролет. Все внимание подошедших людей было сосредоточено на конвоире и выбравшемся ему на подмогу водителе автобуса. Лаврову удалось незаметно отойти и подергать дверь. То ли по случайности, то ли в связи с экстренной ситуацией она была не заперта. Владимир обернулся. Дежурная в синей униформе, с зонтиком в одной руке и приемопередатчиком в другой оживленно беседовала с милиционером. Непосредственно возле тамбура расположились скучающие пассажиры задержанных рейсов. Трое из них стояли совсем близко, украдкой смоля сигареты и выпуская дым в

открытую внутреннюю дверь тамбура. Лавров немного приоткрыл наружную створку и осторожно протиснулся в щель. Ближайший курильщик в почти такой же, как у Лаврова, темно-зеленой куртке стоял буквально в шаге, но смотрел внутрь зала вылета, на экран телевизора. Там показывали прямой репортаж об освобождении заложников. Журналистов на поле не пускали, и репортаж они вели из-за забора, но их позиция все равно была лучше, чем у пассажиров, запертых в зале вылета. Его окна и стеклянные двери выходили на другой участок поля, а выглянуть из тамбура пассажирам, видимо, не позволяла внутренняя дисциплина. Или присутствие в зале милиционеров. Да и дождь лил так, что ничего не разглядеть... А о том, что к соседнему залу подрулил автобус с первой партией освобожденных, они не догадывались.

Владимир осторожно прикрыл за собой дверь и украдкой взглянул на весьма напряженно беседующих мужчин у автобуса. Как назло, именно в эту минуту налетел порыв ветра, и дверь за Лавровым предательски хлопнула, задребезжав всеми стеклами и алюминиевыми уголками. Реакция конвоиров и людей, с ними спорящих, была быстрой и на удивление единодушной. Они прошли в тамбур и прижали Владимира к внутренним дверям. Лаврову ничего не оставалось, как сунуть кассету куда-то в складки одежды ближайшего курильщика.

– Пройдите, пожалуйста, в соседний зал, – крепко взяв Лаврова под локоть, предложил сопровождающий.

– Да все в порядке, – Владимир слабо улыбнулся. – Я на такси и домой...

– Вы живете в этом городе? – удивился один из людей в штатском.

– Нет, – Лавров понял, что сболтнул глупость, и покраснел.

– У вас эмоциональный шок. Наши специалисты окажут вам помощь, – конвоир настойчиво тянул его на свежий воздух. – Пройдемте...

Владимир попытался высвободить руку, но мужчина держал крепко и не просто так, а особым образом – в миру это называлось болевым захватом. Лавров не стал проверять, насколько это больно, и покорно поплелся в зал для «вип»-персон.

– Ой, что тут... что такое? – запричитала подлетевшая дежурная.

– Двери надо запирать, вот что, – буркнул один из мужчин и, обращаясь уже к конвоиру Лаврова, заявил: – Мы все равно получим разрешение, Буер! Твой Ивлев нам не указ!

– Вот когда получите, тогда и приходите, – отрезал сопровождающий. – А если вам Ивлева мало, можете к Борису Михалычу обратиться. Он тоже тут.

Лавров на всякий случай запомнил: «Буер, Ивлев, Борис Михалыч...» Люди, которые запросто «отшивают» сотрудников ФСБ. В том, что «скандалисты» – это сотрудники Конторы, Владимир не сомневался. За годы журналистской практики он сталкивался с ними не раз. Не с этими, конечно, но все они были похожи. Манерой держаться и уверенностью в собственной непогрешимости...

* * *

Ивлев смотрел на небо и удивлялся. Там происходило что-то странное. Грозовой фронт словно кто-то разрезал по линейке. Причем точно по ветру и прямо над взлетной полосой. В ровный широкий просвет уже взлетели все задержанные рейсы. Таких необычных гроз старший оперативник не видел даже на востоке, во время командировок. А ведь его приезды только в этом году трижды совпадали с приходом тайфунов. Хотя в последнее время буквально все в природе происходило как-то не так. Буйствовали летние, «просроченные», наводнения, ни с того ни с сего просыпались вулканы и происходили обвалы в «старых», тысячелетиями спокойных горах. То и дело случались непонятные землетрясения в равнинных зонах и на островах у европейского побережья Атлантики. Осенние засухи в средних широтах душили народ дымом горящих торфяников, а учатившиеся ураганы на Дальнем Востоке топили суда и рушили береговые сооружения. Южнее тоже бушевали тайфуны, экватор плавился от невиданной жары...

Даже от Антарктиды откалывались гигантские айсберги, уносившие по круговому течению целые побережья ледяного континента...

Впрочем, с ума сходила не только природа. Неладное творилось и с людьми. Куда ни кинь, полыхали костры локальных войн, которые в сумме тянули на скрытую, дискретную мировую. У руля повсюду стояли откровенные мерзавцы, а экономику строили и направляли в противоположное естественное русло настоящие пройдохи!

Ивлев раздраженно сплюнул и, бросив окурок мимо урны, вернулся в зал, где с пассажирами работали психологи и следователи его группы. Ближе всех к выходу расположился Буер. Он с особым старанием и скрытым удовольствием «прессовал» несостоявшегося беглеца. Тот, правда, пока держался.

– Ну, зачем же вы, Владимир Николаевич, нас обманываете? – Буер закрыл фотоаппарат.

– Клянусь, в нем не было пленки! – Лавров перевел честнейший взгляд с Буера на его начальника.

Прошло больше часа с начала морально-психологической обработки пассажиров и откровенного досмотра их личных вещей. Фотографа-любителя агенты Управления вычислили практически сразу. Фотоаппарат в сумке Владимира лежал на виду. Однако пока в зале не появился Ивлев, беседа между Буером и Лавровым шла простая и малосодержательная. Сотрудник САУ настаивал, что Владимир делал в самолете снимки, а тот все отрицал и требовал уважения своих гражданских прав. Ивлев «разрулил» ситуацию в одно мгновение. Он просто взглянул на фотоаппарат и продемонстрировал его состояние сначала Буеру, а затем и вспотевшему владельцу.

– А это что? – Ивлев указал на защелку, открывающую шторки объектива и встроенной вспышки. – Батарейки посадить не боитесь? Да и оптику можно поцарапать.

– Наверное, случайно... открылась, – уже не так уверенно пробормотал Лавров.

– Где кассета?

– Я не трогал камеру! Я хотел купить пленку по прилете!

– Это он пытался сбежать? – словно бы опять проявляя завидную проницательность, уточнил Ивлев у Буера.

– Он самый, – сотрудник враждебно взглянул на упрямого пассажира. – Никакой лояльности... одни понты...

– Что? – удивился Владимир.

Одеты эти люди были хорошо, для сотрудников секретных государственных органов даже чересчур. А вот речь начинала их выдавать. Слишком вольная. Кто были эти люди, запросто конфликтующие с чекистами, одетые как бизнесмены средней руки, но выражающиеся как бандитская шпана?

– Что, что, – угрюмо буркнул Буер. – Препятствуете работе правоохранительных органов, граждан.

– А разрешите поинтересоваться, каких конкретно органов? – Лавров обращался больше к Ивлеву, чем к его подчиненному.

– Специальное Агентурное Управление, – старший оперативник показал удостоверение гособразца.

– Странно, раньше не слышал, – Владимир внимательно изучил «корочки». – Это взамен чего?

– Это само по себе, – ответил Ивлев. – В дополнение ко всему.

– Не многовато будет? ФСБ, милиция, служба охраны, полиция, минюст, спецназы всякие... Куда больше-то?

– Вопрос не ко мне, – Ивлев, нависая, оперся о стол, за которым сидели Буер и Лавров. – Так где пленка, Владимир Николаевич? Вы намерены предпринять действия, направленные

на подрыв государственной безопасности? Тянет на измену Родине. Это знаете сколько лет строгого режима?

– Не было никакой пленки, – Лавров нахмурился. – И вообще... ни слова больше не скажу без адвоката и внятного обвинения.

– Надо же! – фыркнул Буер. – Насмотрелись америкосовских фильмов и думают, у нас теперь то же самое. Демократы хреновы.

– Буер, погуляй, – Ивлев уселся за стол.

Буер еще раз фыркнул и отошел к группе сотрудников, тщательно роющих в багаже.

– Я требую адвоката! – предупредил Лавров.

– Я хочу просто поговорить...

– Нет смысла, – отрезал Владимир. – Либо вы соблюдаете закон, либо действуете, как террористы, и тогда нам тем более не о чем говорить.

– Я готов соблюдать закон, но и вы будьте законопослушны, господин Лавров.

– Я не совершал ничего противоправного, – Лавров сложил руки на груди. – Разговор окончен.

– А если мы докажем, что вы были в сговоре с террористами и фотографировали по их заказу?

– Вы рехнулись? – Владимир выкатил глаза, но быстро что-то сообразил и махнул рукой. – Все равно у вас нет пленки!

– Мы ее найдем, – заверил Ивлев. – Но если это произойдет без вашей помощи, ждите обвинения в пособничестве террористам.

– Пленка ничего не доказывает, – хладнокровно парировал Лавров. (Но чего ему стоило это хладнокровие!)

– А если мы подкрепим улику признательными показаниями?

– Моими? – Владимир усмехнулся. – Я ни в чем не признаюсь.

– А показания свидетелей?

– Любой пассажир скажет, что я не имел с бандитами никаких контактов!

– А я уверен, что трое или четверо скажут обратное.

– Бред! – выдержка Лаврову наконец изменила. – Это... наглость! Вы ведете себя, как... как... душегуб из сталинского НКВД! Вы меня не запугаете!

– Подумайте, Лавров, – продолжил наседать Ивлев. – Вспомните запечатленные вами кадры. Кто дал террористам отпор? Кто были эти бесстрашные и сильные агенты? Голливудские громылы?

– Нет, – Владимир зажмурился.

Ему не хотелось вспоминать увиденные во вспышках картины. Слишком тяжело было поверить в такую жуть. Милая стюардесса и лежащий у ее ног бородатый бандит, вспоротый от пояса до горла собственным кинжалом. Или второй пилот, на первый взгляд – примерный работяга и отец семейства, а рядом обезглавленный труп террориста, который застрелил стюарда, когда спецназ хотел пойти на штурм. И тот совсем юный, но крепкий парнишка в спортивном костюме с логотипом национальной сборной, который одним движением свернул голову третьему бандиту и превратил в месиво голову четвертого, используя в качестве биты обычный двухлитровый огнетушитель... Кто и как расправился с пятым, Лавров не видел, но подозревал, что и тому выпало умереть страшно и бесславно.

– Вспомнили? А теперь скажите, неужели вы действительно думаете, что мы не заставим вас признаться? Или не найдем пару-тройку лжесвидетелей?

– Вы... изверги... – Лавров стиснул зубы и помотал головой. – Вам это с рук не сойдет... Такие эксперименты, это... дикость!

– Какие эксперименты? – Ивлев откинулся на спинку стула и дружелюбно улыбнулся. – Где пленка, Владимир Николаевич?

– Я сунул ее в карман мужчине, который курил в тамбуре зала вылета.
– Ой, как скверно, – искренне огорчился Ивлев, глядя на часы. – Буер!
– Я, – сотрудник мгновенно подлетел к столу.
– Срочно выясни, какие рейсы отправились в последние полчаса.
– Все задержанные, – вместо Буера ответил вошедший в зал Борис. – Что, Ивлев, снова облажался?

– Я тут допросил...

– Я слышал вашу беседу, – оборвал его Борис. – Допрашивал ты нормально, вот только надо было сначала мозгами пошевелить. Куда мог подевать кассету наш правдолюб, кроме как выбросить или сунуть кому-то в карман? А с кем и когда он встречался по пути от самолета в этот вонючий зал? Только с вылетающими пассажирами в момент его неудачной попытки к бегству... С кем приходится работать!

Он с фальшивым пафосом всплеснул руками и склонился над Лавровым.

– Тебя, урод, я лично придушу... как только придет время.

– Я попросил бы... – Владимир поднял на него смелый взгляд, но осекся.

Борис смотрел, не мигая и абсолютно без эмоций. Словно мертвец. Или... на мертвеца. Осадив строптивого пассажира, Борис вернулся к Ивлеву.

– Пять рейсов ушли один за другим. И все пассажиры этих рейсов толклись в зале вылета одной дружной компанией. Соображаешь, что это значит?

– Придется встретить пять рейсов в городах прибытия и вычислить нужного мужчину по особым приметам, – не слишком уверенно ответил Ивлев.

– Ага, по особым приметам, – Борис схватил подчиненного одной рукой за лацканы пиджака. – По каким, хотелось бы узнать?! По зеленой куртке и наличию вредной привычки? А если в городе прибытия будет плюс тридцать в тени и куртку он снимет? И сигареты у него закончатся, а табачные киоски закроются на переучет!

– Что же делать? – Ивлев нервно потер руки.

– Встречать, – ехидно ответил Борис. – Больше нечего. Связывайся со всеми городами, объясняй координаторам, что к чему. Потерять эту пленку нам никак нельзя. Слишком уж откровенные на ней кадры.

– А этого куда? – хмыкнул за плечом растерянного Ивлева Буер.

– А этого в пионерский лагерь, на витаминотерапию, – жестко приказал Борис. – Пока не забудет все, что видел, будем лечить...

– Вы не имеете права! – вскинулся Лавров.

– Сидеть! – рявкнул Борис. – Будь ты нормальным пассажиром, все обошлось бы парой противошоковых доз. Вон, как у всех... – он кивнул в сторону прочих экс-заложников. Те сидели в креслах и мирно дремали. – Через пару часов они очнутся и полетят домой. Без неприятных воспоминаний, довольные и счастливые. А тебе придется задержаться и отнюдь не на два часа. И дозу ты примешь не одну и не две. Благодарю свое любопытство и репортерскую жилку...

– Это произвол! – уже глухо пробормотал Владимир.

– К чему стремились, то и имеем, – Борис усмехнулся и развел руками. – Правовое общество и высокие технологии у него на службе... Буер, увести!

...Просвет в тучах сначала расширился, а затем, за какую-то четверть часа, на небе не осталось ни одного облачка...

3 ВОДА

В животе на секунду образовалась пустота и заложило уши. Виктор открыл глаза и привычно взглянул на часы. Все верно. Самолет заходил на посадку. Обратный полет всегда продолжался на тридцать минут меньше. Почему воздушные трассы были проложены не по прямой, а по каким-то ломаным линиям, Шорников никогда не интересовался. Он просто принимал это как факт. Особенно после того, как узнал, что воздушное движение – это запутанная, с точки зрения обывателя, сеть маршрутов и высотных «эшелонов» и любое отклонение на триста метров по вертикали может привести к катастрофе. Насколько нужно уйти в сторону, чтобы врезаться в борт другого лайнера, посреди, казалось бы, безбрежного неба, он точно не знал, но подозревал, что тоже ненамного. А потому – ломаные, значит, ломаные. Пусть летят, как положено. А сожалеть о лишних тридцати минутах полета – глупо. Раньше, в поездах с паровыми локомотивами, люди тратили на такой путь неделю. А еще раньше – полгода. Когда ездили на гужевом транспорте, от «ямы» к «яме».

«Ямщик, не гони... – Виктор потянулся и заглянул через плечо соседа в иллюминатор, – успеем...»

Облаков внизу не было. Как, впрочем, иверху. Над приморьем стояла чудесная летняя погода. Виктор вспомнил взлет. Было, честно говоря, жутковато. Особенно когда, стараясь проскочить между грозowymi фронтами, самолет взмыл, словно ракета, под каким-то рискованным углом. В пилотаже пассажирских лайнеров Шорников разбирался еще слабее, чем в особенностях построения воздушных коридоров, но даже непосвященному было понятно, что пилоты рисковали. Ну да эти переживания остались позади. Так же, как легкий душок страха, которым был пропитан аэропорт. Там, в зале вылета, все прекрасно понимали, что новый захват ни одному из пяти отправляющихся бортов не грозит, но избавиться от нервозности никто не мог. Сейчас нервы успокоились, а безоблачная синева и яркое солнце помогли забыть о пережитом волнении. Теперь события дождливого утра воспринимались как немного необычная тема для обсуждения со знакомыми. Да и необычная лишь потому, что Виктору довелось побывать почти на месте происшествия.

Уши снова заложило, и Шорников сплотнул. Снижался самолет медленнее, чем взлетал, но от перепада давления все равно было никуда не деться. Виктор оторвался от созерцания далекого моря и откинулся на спинку.

– Стихия, – вдруг заявил сосед. – Непонятная и неукротимая.

Виктор покосился на попутчика и вежливо кивнул. Сосед выглядел как типичный современный пассажир, путешествующий за чужой счет. Пользоваться услугами авиафирм – удовольствие не из дешевых, и на рейсах давно уже не встретить теток с кошелками или людей невысокого достатка. А если таковые и встречались, это были какие-нибудь специалисты, случайно вырвавшиеся на съезд или симпозиум с подачи спонсоров или администрации предприятий. Попутчик был явно из этой категории. «Наверное, какой-нибудь доцент или служащий». Виктор ориентировался на возраст, лицо и костюм. Возраст был предпенсионный, лицо интеллигентное и не такое сосредоточенное, как у типичного бизнесмена, а костюмчик аховый. Не старый, но старомодный. И стригся «дедуля» наверняка у собственной «бабули», на кухне, а не в парикмахерской, и носил очки модные в прошлом веке. Причем не в конце века, а где-то годах в восьмидесятых.

– Две, – Шорников указал глазами на небо.

Развивать тему он не собирался. Просто ответил. Теперь, когда до посадки оставались считанные минуты, это не грозило длинной занудливой беседой и шапочным знакомством.

– Тогда уж три, – попутчик улыбнулся и указал тонким пальцем на солнечный диск.

– Огонь? – Виктор понимающе кивнул и, как бы закругляя беседу, принялся искать под сиденьем второй конец привязного ремня.

– Свет! – неожиданно воодушевился сосед.

– Ну да, – Шорников щелкнул пряжкой. – Огонь – свет...

– Нет, – попутчик расплылся в снисходительной улыбке и покачал головой. – Не «огонь-свет», а просто свет. Мы сейчас видим три из двенадцати стихий. Хотя, отчасти, видим и огонь. Ведь Солнце – это бушующий огненный шар. Просто он настолько далеко, что уверенно сказать «я вижу огонь» нельзя.

– Двенадцать? – Виктор усмехнулся. В своей жизни попутешествовал он немало и наслушался от случайных попутчиков еще не такой белиберды. Опыт подсказывал, что разумнее всего сейчас согласиться и спокойно подремать до посадки. Но Шорников почему-то не удержался. – Я всегда считал, что их четыре: воздух, земля, вода и огонь.

– Это вам так внушали, – возразил старичок. – Потому что так удобно. Избыток идолов приводит к путанице. А вот если все грани мироздания можно описать простыми числами, это хорошо запоминается, легко осмысливается и создает иллюзию комфорта. Ведь согласитесь, не понимая чего-нибудь, мы боимся, а страх – чувство неудобное. Человек должен точно знать, что вокруг происходит, и тогда он счастлив.

– Возможно, возможно, – Шорников кивнул, но покосился на соседа с явным сомнением. – Двенадцать – не простое число...

– О чем я и говорю...

– Но тоже не слишком трудное для восприятия: двенадцать апостолов, зодиакальный круг, двенадцать месяцев в году...

– Вот, пожалуй, и все, – закончил вместо него попутчик. – Во всяком случае, все, что может припомнить европеец, как говорится, навскидку.

– Ну, хорошо, четыре стихии – упрощение, – отступил Шорников. – Но что к ним можно добавить? Ведь они полностью описывают реальность. Четыре агрегатных состояния вещества...

– Во-первых, пять, – возразил старичок. – Во-вторых, в вашей версии существует изъясн. С землей, водой и воздухом все более-менее в порядке, а вот огонь и плазма не одно и то же.

– А свет? Разве это нечто самостоятельное? Не продолжение огня?

– Конечно, не продолжение! Так же, как лед – это не просто замерзшая вода и ветер – не следствие движения частиц воздуха! Они самостоятельные, отдельные стихии. И когда мы узнаем имена всех двенадцати граней реальности, нам выпадет уникальный шанс – понять главную идею мироздания! Идею, без которой в новую эпоху просто не выжить! Ведь наступающий период вовсе не тот золотой век, прихода которого ждут многие люди. Например, астрологи уверены, что приближается эра Водолея, период благоденствия для всех народов планеты. Но они не учитывают, что он наступает не благодаря, а вопреки стараниям человечества, и чтобы в него вписаться, нам совершенно необходимо узнать о природе и ее стихиях гораздо больше, чем мы знаем сейчас! Образно говоря, для человечества Водолей на небе «не взойдет», пока мы не узнаем все об окружающем нас мире!

– Все? Вы же говорили только об именах.

– Ну, для начала хотя бы имена.

– А вы их не знаете?

– Не все, – сосед огорченно вздохнул. – Ведь узнать имя – это не взобраться на гору, крикнуть: «ветер, ветер, ты могуч...» или: «камень, как зовут твоих сестер и братьев?» и дожидаться ответа. Для этого нужно очень долго наблюдать и делать выводы.

– Занятно, – Виктор снова взглянул в иллюминатор.

Море было уже совсем близко. Шорников видел фигурки судов и даже волны, хотя по случаю приятной погоды особого волнения на воде не было, максимум – полбалла. И все же

Виктор видел отчетливую рябь. Только... совсем не такую, какую ожидал. Сначала его внимание привлекли огромные концентрические круги. Невысокие плавные волны расходились, словно бы от точек падения камней. Но каких камней, если диаметр каждого начального круга был не меньше сотни метров? Откуда могли свалиться такие глыбы? Шорников перевел взгляд на постепенно растущие фигурки кораблей. Нет, круги шли не от них. За ними тянулись обычные кильватерные следы, почти не искажающие геометрию множества странных колец.

Самолет лег на левое крыло, и вдалеке показался берег. У его золотисто-зеленой кромки не было кругов, зато тянулась полоса резко очерченных волн, сплетающихся на поверхности моря какие-то невероятные живые арабески. Они постоянно меняли свой мелкий затейливый узор, как в зеленоватом калейдоскопе, но в их игре не было и намека на хаотичное движение. Все было строго упорядочено и... гармонично.

«Ветер так не может», – подумалось Шорникову.

Полоса водяного орнамента тянулась вдоль суши до горизонта. Она точно повторяла все изгибы береговой линии и неумоимо плела необыкновенно сложный орнамент ряби и волн.

«Подводное течение? Невероятно и... как красиво!»

Виктор от удивления даже не заметил, что придавил попутчика к стенке. Однако тот не возражал. Он тоже любовался причудами морской глади и удовлетворенно сопел.

– В Индии, например, давно поняли, что стихии не настолько бездумны и слепы, как это кажется человеку, – наконец высказался сосед. – Хотя с их обожествлением лично я не согласен.

Виктор очнулся и подвинулся на свое место.

– Течение... или косяки рыбы...

– Вы думаете? – попутчик усмехнулся. – А те круги – поклевки китов?

– Я не знаю, но этому наверняка есть разумное объяснение, – Шорников упрямо покачал головой.

– Вот в этом и заключается слабость современного человека, – сосед вздохнул. – Мы верим лишь в то, что придумали сами. В расщепленный атом, хирургию, электричество, химию... Все верно, мы рабы прогресса, материалисты до мозга костей. Но ведь и прогресс придумали тоже мы. Дабы сделать свое существование хоть немного комфортнее. Я не осуждаю науку или блага нынешней цивилизации. Просто грядет эра, в которую человечеством будет достигнута вершина горы Развития, и с этой вершины мы увидим, что дальнейший путь лежит вниз. По другому склону. И что мы будем делать? Покатимся обратно во мрак?

– До вершины еще очень и очень далеко, да и катиться с нее необязательно. Можно разбить лагерь прямо под облаками.

– Эх вы хватили! «Далеко» и «разбить лагерь»... Десять лет назад до глобального потепления было тоже далеко. Так мы считали. А что в результате? Оно просто – р-раз! – и наступило. И вовсе не через обещанные сто лет, а в наши дни. Вот и получается, науку, чтобы себя успокоить, мы освоили, а природу – нет. Раньше, от недостатка знаний, боялись всего на свете, теперь, от их же дефицита, ничего не боимся. Такой парадокс. А почему?

– Потому, что не разделяем технический прогресс и естествознание, – Виктор снова взглянул в иллюминатор. Лайнер уже выпустил шасси, и под ним показалось посадочное поле. – Наука – это и есть инструмент для изучения природы.

– Вы станете знатоком истории, культуры и повседневной жизни Китая, выучив язык, письмо, просмотрев все телерепортажи и прочитав все книги о нем, но вам не стать китайцем. – Самолет коснулся посадочной полосы, взревел двигателями и начал тормозить. Попутчик небрежно расстегнул привязной ремень. – Инструмент не сделает вас частью изучаемого объекта, не поможет вам побывать в его, пардон, шкуре. Чтобы понять природу, надо слиться с ее составляющими, надо установить контакт с ее стихиями.

– Утонуть, сгореть и испариться? – Шорников улыбнулся и, привстав, взял из шкафчика над креслом свою куртку. За бортом было жарко, и Виктор собирался запихнуть ее в кейс.

– Для начала следует узнать все имена. Чтобы понять, где расположена точка внутреннего взаимодействия стихий, – также вежливо улыбаясь, ответил попутчик. – Скорее всего, там найдется и... э-э... разъем для подключения «человека технического». Извините за такое упрощение.

– Понятно, – Виктор кивнул. – Было приятно побеседовать...

– Взаимно, – сосед указал глазами на куртку. – Помнете...

Шорников оценил наличие свободного пространства в кейсе и был вынужден согласиться. Чем тратить силы и нервы на утрамбовку, проще было перекинуть куртку через руку и спокойно доехать до порта. Там она обязательно пригодится. Даже в такую жару. Надевать помятую будет неудобно, а уютить ее наверняка будет лень...

– Спасибо...

Виктор сошел по трапу одним из первых и больше попутчика не видел, хотя и оглядывался, зачем-то пытаясь найти его в толпе пассажиров. Зачем – он осознал, только выйдя из аэродромного автобуса. Из головы у Виктора никак не шли увиденные на море арабски и этот странный разговор об именах природных стихий. «Не благодаря человеку, а вопреки его усилиям, – вспомнилось Шорникову, – наступает новый период...» Попутчик несколько раз упомянул наступающую эпоху или эру, но так и не пояснил, что имеет в виду.

Впрочем, дорожные беседы – это отвлеченная лирика, а в жизни всем руководит конкретная и суровая проза. Через час Виктору следовало прибыть на другой конец города. Автобусом не успеть. Думать следовало об этом. Имена стихий тут были бесполезны.

– В город поедет? – подскочили сразу трое мужичков с ключами от машин на указательных пальцах. – Всего двести пятьдесят... Дешевле не найдете...

Зал прилета был полон калымщиков, готовых доставить пассажира хоть за море. Но у Виктора имелся горький опыт. Год назад его так вот и увезли в неизвестном направлении. В лес, полный ужаса и красного тумана. С тех пор он старался быть осторожным в любых мелочах.

Шорников протолкнулся сквозь заслон и торопливо вышел из здания аэропорта. Солнце слепило, а деревья и кусты вокруг ровно постриженного газона безмятежно шелестели. Это отгоняло неприятные воспоминания и даже бодрило. Виктор перевесил куртку на сгиб другой руки, надел темные очки и прямо по траве направился к стоянке «фирменных» такси.

Но у самой стоянки его неожиданно схватили под руки двое крепких типов и бесцеремонно затолкнули в микроавтобус с тонированными стеклами. Шорников даже не успел возмутиться...

* * *

– Извините за беспокойство, – один из сотрудников агентства вернул Виктору документы. – Специальная операция...

– Понимаю, – Шорников мельком взглянул на приложенную к документам визитку. – Но жалобу я все равно напишу.

– Ваше право, – агент криво улыбнулся. – Хотя, по старой памяти, могли бы простить нам такую мелочь. Всего хорошего, Виктор Валентинович.

– По старой памяти? – Шорников почувствовал неприятный холодок. – Так вы из конторы Бориса Михайловича?

– Так точно.

– Ну ладно, – Виктор спрятал документы в карман тщательно обследованной агентами куртки и выбрался из автобуса.

Встреча с людьми из Управления его насторожила. Шорников давно понял, что агенты Бориса не появляются на людях без крайней необходимости. Что же заставило их не просто появиться, но и устроить довольно рискованную поголовную проверку всех пассажиров мужского пола?

Мимо Виктора прошли все те же «ловцы». Теперь они тащили к автобусу сразу двоих растерянных граждан. Шорников узнал в них пассажиров своего рейса. В самолете они сидели на пару рядов ближе к хвосту. Все сходилось. У одного из них в руках была точно такая же, как у Шорникова, легкая куртка. Это обстоятельство лишний раз подтверждало, что агенты не располагают определенными приметами разыскиваемого человека. Виктор проводил процессию взглядом и быстро пошел к ближайшему такси. Задерживаться здесь было ни к чему. А может, даже опасно.

– Мужчина! – Виктора дернули за рукав.

Шорников едва не споткнулся от неожиданности. Он резко высвободил руку и остановился.

– Извините... это ваше.

Рядом с ним стояла брюнетка в темных очках. Она, смущенно улыбаясь, протягивала Виктору обычную кассету от фотоаппарата. Цилиндрик с торчащим язычком пленки и желтой наклейкой. «Двести единиц». Шорников поднял удивленный взгляд на девушку. Фотоаппарата при нем не было, да и пленку он предпочитал другой фирмы.

– Это не мое, – неуверенно ответил он.

– Ваше, ваше, – незнакомка вложила кассету в его ладонь. – Я случайно увидела, что она выпала из кармана куртки, когда вы шли через газон... Я ее нашла, но не успела вас догнать. Думала, вы уедете на этой «Газели»... Но раз вы не уехали...

– Выпала? – Шорников повертел в пальцах пленку.

– Сама видела, – подтвердила брюнетка. – Случайно.

– Спасибо, но это точно не мое, – он вернул пленку девушке. – У меня в кармане лежала смятая пачка «Петра», наверное, она и выпала. А вы решили, что это кассета. Но все равно спасибо. Вы в город?

– В Солнечную бухту...

– И это тоже случайное совпадение? – Шорников взглянул на девушку поверх очков. – Если хотите, поедem вместе. Получится дешевле.

– Хорошо, – легко согласилась девушка. – А там, в Солнечной, вам куда?

– Мне к причалу, а вам?

– Почти туда же... в новый дом, высотку...

– Прошу, – Виктор открыл перед ней дверцу такси.

Девушка была симпатичной, стройной и вообще довольно эффектной. Сделать для нее что-то хорошее, пусть и всего лишь в рамках устаревшего этикета, было приятно. Обычно Шорников не тяготел к галантности, но изредка нечто подобное в нем просыпалось. Правда, ненадолго. Усадив даму, сам он плюхнулся на переднее сиденье, а потому «светской» беседы не получилось. Развлекал пассажирку словоохотливый таксист, а Виктор всю дорогу размышлял о неожиданной проверке и кассете. Существовала ли здесь связь? Шорников чувствовал, что такое вполне возможно. Агенты искали что-то небольшое. Сначала Виктор подумал, что какие-то документы, но еще в автобусе у него возникла мысль о диске или кассете. Но как тогда к этому можно было привязать незнакомку? Действительно случайность? Какая-то слишком подозрительная вышла случайность. Ловкий трюк? Его обыскали, он вне подозрений, значит, ему можно снова доверить секретный «груз». Но это означало, что девушка говорила правду и за минуту до обыска пленка выпала из его куртки. Абсурд! Ведь не мог он не знать о содержимом собственных карманов. Или мог? Тогда кто подсунил ему эту кассету и когда? В зале вылета, в самолете? Но почему ему? Какая-то бессмыслица... А это невероятное везение –

улика выпала из кармана как раз перед обыском, но на виду у доброй самаритянки. И не на асфальт, а в траву – тихо и незаметно. Тоже счастливый случай? Можно предположить, что девица обманывает и никакой кассеты в кармане у Виктора изначально не было, но это все равно не объясняло, зачем она пыталась всучить загадочный цилиндр Шорникову. Сигареты, кстати, он докурив еще перед вылетом и черную с желтым вензелем пачку выбросил в урну, когда объявили посадку. Это Виктор помнил точно. Так что если у него из кармана и выпал некий предмет, то это действительно была фотокассета. Но откуда, черт возьми, она взялась?!

Погрузившись в раздумья, Виктор не заметил, как машина подрулила к кирпичной высотке рядом с причалами и девушка вышла.

– А вам куда? – спросил таксист.

– Прямо к воротам, – очнулся Шорников, озираясь.

– Телефончик забыл взять? – ухмыльнулся водитель. – В третий подъезд она вошла. На пятом этаже живет... проболталась. Только вот с номером квартиры не подскажу.

– И на том спасибо, – Виктор натянуто улыбнулся.

– Пожалуйста, – шофер пожал плечами. – Ты бы посмелее был, все бы у вас получилось. Я ж видел, как она к тебе прицелялась.

– Что делала?

– Оценивала, – таксист рассмеялся. – Женщины обычно как смотрят? Или как на стенку, или «отвяжись», или оценивают: подойдет – не подойдет...

– Я же... вот... – Шорников продемонстрировал обручальное кольцо.

– А это им по барабану, – таксист помотал головой. – Точно говорю, присматривалась она к тебе, земляк. Или вспоминала. Других вариантов нет.

– Вспоминала? – Виктор задумался. – Вряд ли. Мы раньше не встречались. Я бы ее точно узнал.

– Тогда действуй по «вновь утвержденному плану», – хохотнул водитель. – Третий подъезд, пятый этаж.

Он остановил машину перед воротами. Виктор рассчитался и вышел на теплую набережную. Когда такси укатило, он оглянулся по сторонам и пошагал в сторону самого дальнего из десятка расположенных за воротами причалов.

От прочих он отличался тем, что все подходы к нему были огорожены забором из стальной сетки, а слева стояло необычное цилиндрическое сооружение. Нечто вроде нефтехранилища, только не из металла, а из бетона. И доступ в этот «бак» открывался не сверху, по наружной лесенке и затем через люк, а сбоку, через овальную бронированную дверь.

Охранник у сетчатых ворот внимательно изучил документы и предложил прижать ладонь к матовому сенсору на торчащей прямо из асфальта высокой консоли. Система выдала положительный результат, и охранник тут же расслабился. Он пропустил Шорникова за ворота и кивнул на дверь в стене «нефтехранилища».

– Туда.

– Да, я знаю, – Виктор невольно бросил взгляд на море.

Он действительно проходил этим маршрутом уже не в первый раз, но впервые ему предстояло войти в «отметку один», спуститься на лифте вниз и сесть в автоматическую подлодку, которая доставит его на секретный объект, зная о море нечто новое и загадочное.

Отсюда, с берега, никаких орнаментов из волн видно не было, но Виктору показалось, что море за время его отсутствия изменилось. В добротном сине-зеленом цвете проступали предательские оттенки бурого. Раньше Шорников ничего подобного не замечал. «Наверное, вода остывает или ветер сменился...» Сделав такой вывод, Шорников немного успокоился, но у самого входа в «отметку» все равно оглянулся и, обращаясь к охраннику, пробормотал:

– Волны какие-то странные.

– Да? – служивый прищурился и обвел водную гладь долгим взглядом. – Вроде бы нормальные. Нет, конечно, какие это волны? Так, баловство... рябь, но ничего странного. Вы, наверное, давно у нас не были?

– Давненько, – признался Виктор, еще раз озираясь.

Все было как раньше. Как всегда: солнечно, тот же берег, порт, вереница кафе по другую сторону двух заборов, бетонный цилиндр с лифтом, море...

Шорников вошел в здание, и тут его осенило. Странность волн заключалась в том, что, набегая на берег, обращены они были в море! Словно бы некое течение заставляло воду биться о причал, а упрямый ветер гнал рябь по ее поверхности этому течению навстречу. Выглядело такое противоборство странно. Тем более что никаких морских течений поблизости от порта не бывало отродясь...

...Краткий миг ускорения, остановка, дверцы лифта раскрылись, и Виктор шагнул из кабины на гулкий металлический трап. Он вел напрямик к люку в борту миниатюрной субмарины. Той самой автоматической подлодки, что должна была доставить Шорникова в Город-на-дне, подводную системную базу стратегического назначения...

4 ЗЕМЛЯ

Борис склонился над погружившейся в оцепенение стюардессой. Ее глаза были пусты, мимика отсутствовала, и только губы чуть дрожали, словно она собиралась расплакаться.

– Вы помните, что произошло на борту? – тихо спросил Борис.

– Я... – девушка перевела на него пустой взгляд. – Все как в тумане... был штурм, и все террористы погибли. Я помню людей в масках. Они расправились с бандитами очень быстро. Мы даже не успели ничего понять... и запомнить.

– Где во время штурма были вы?

– В первом салоне.

– Что делали?

– Сидела в кресле.

– Очень хорошо, – Борис выпрямился. – Буер, эту барышню в общий зал. Остальных задержим еще на час.

Агент помог бортпроводнице встать и, приобняв за талию, повел в соседнее помещение, туда, где «реабилитировались» пассажиры.

– С одним исполнителем уладили, – Борис удовлетворенно потер руки. – Теперь она мамой поклянется, что был штурм и бандюков замочили спецназовцы. Остались двое пилотов и спортсменов...

– С ними будет сложнее, – опасливо заметил «южный» координатор.

– Справимся, – отмахнулся «главный». – Где Ивлев? Ивлев!

Он поискал взглядом старшего оперативника.

– Здесь, Борис Михалыч, – Ивлев выглянул из комнаты охраны. – Я тут один интересный кадр обнаружил.

– Да? – Борис скептически ухмыльнулся и прошел в комнату, одну стену которой украшал большой дисплей с тремя десятками «картинок в картинке».

– Вот, – Ивлев указал на кадр в левом нижнем углу. – Зал вылета перед самым снятием карантина.

Он нажал на пульте клавишу, и картинка заняла весь экран. Теперь Борис видел субъекта, так заинтересовавшего помощника, крупным планом. Тот смотрел почти в объектив, что было неудивительно. Камера слежения располагалась рядом с телевизором, подвешенным под потолком зала вылета. Судя по времени съемки, в тот момент по телевизору как раз показывали освобождение заложников.

– Знакомые все лица... – Борис потер подбородок. – Что он здесь забыл?

– Он менеджер Системы, а они часто разъезжают по стране, – ответил Ивлев.

– Ты хочешь сказать, что он оказался в аэропорту случайно?

– Возможно.

– Вот именно – возможно, – Борис покачал головой. – Сбрось-ка его портрет по сети в пункты прибытия.

– Я уже... – Ивлев вывел на дисплей новый кадр. – Он летел в приморье. Наши люди его опознали.

– Досмотрели?

– Да, но ничего не нашли.

– Значит, все же случайность? Совпадение?

– Есть маленькая деталь, – Ивлев снова щелкнул по клавише, и на экране появилось изображение такси. На переднем сиденье расположился все тот же субъект, а на заднем тем-

новолосая девица в солнцезащитных очках. – Женщина в такси... Она приехала в аэропорт за несколько минут до прибытия рейса.

– Встречала нашего приятеля?

– Возможно.

– Опять?

– Да. Наши люди допросили таксиста. Он утверждает, что его пассажиры знакомы не были. Просто скооперировались, чтобы разбить сумму за проезд на двоих. Вышли в разных местах, расплачивались по отдельности и в пути почти не разговаривали.

– Это означает, что девица встречала не его...

– Или его, но он об этом не подозревает, – закончил Ивлев.

– Наш морской филиал: внутренняя Служба безопасности Системы?

– Вряд ли. Системные охранники появляются только в случае непосредственной угрозы подопечному.

– А обыск? Разве это не угроза?

– Мы же часть «Водолея», – Ивлев отрицательно покачал головой. – Наши действия он расценивает как обычные профилактические мероприятия. Даже если профилактика касается его ведущих менеджеров.

– Ладно, убедил, – Борис подошел к стене и постучал пальцем по экрану. – Но в таком случае кто эта мадам? И зачем ей понадобилось встречать Шорникова?

– Кто она, мы выясним, – пообещал Ивлев. – А вот – зачем... Если не станет ясно после заочной идентификации, придется с ней побеседовать. Я уже отправил запрос в приморское отделение. У нас есть ее фото и примерный адрес. Думаю, ответ придет в ближайшие полчаса.

В этот момент в недрах пульта пискнуло и на экране раскрылось «окошко» типичного досье. Такие файлы в САУ заводили на каждого агента-исполнителя.

– Мать моя! – рассмеялся Борис. – Дело принимает все более «случайный» оборот! Тереза!

– Да, – Ивлев озадаченно хмыкнул. – Агент Тереза... Только раньше она была блондинкой.

– У женщин с этим все просто, – Борис уселся в кресло. – Ну и что ты теперь скажешь? Опять «возможно»?

– Если это не секретная операция приморского отдела, то я не знаю... – помощник развел руками. – Подопечные вряд ли что-то помнят о своей встрече. А если и помнят... Год назад они выглядели не так, как сейчас. Узнать друг друга они бы не смогли. Поэтому желание встретиться, чтобы обсудить былые подвиги, я исключаю. И сбой в Системе, так же, как внешнее подключение к нашей базе, маловероятны. Но без приказа Тереза тоже не могла поехать в аэропорт. Она же ничего не помнит о своих заданиях, и для нее «реальной» Шорникова не существует! Остается... опять эта невероятная случайность!

– Или предательство, – жестко возразил Борис. – Скорее всего. Я пока не понимаю, что за возня начинается вокруг Шорникова, но думаю, наши федеральные друзья снова вышли на тропу войны и кто-то помогает им изнутри Системы.

Он встал с кресла и, заложив руки за спину, прошелся по комнате.

– Если Виктор Валентинович в Городе, за его безопасность можно не опасаться, – осторожно подсказал Ивлев.

– А как быть, когда он снова сойдет на берег? – Борис взглянул на помощника исподлобья. – Знаешь что, дружок, бери пару ребят и вылетай-ка ты в приморье. Нет у меня доверия к их отделу. Да и с Терезой ты работал. Так будет спокойнее. Если там действительно каша заваривается, доложишь непосредственно мне. Понял?

– Так точно! Но тогда и привычного для Терезы оператора надо подключить.

– Не волнуйся, распоряжусь, – пообещал Борис. – Если он еще не в психушке, подключится. Но смотри, Ивлев, не проколись. Как только эта парочка снова пойдет на сближение – наблюдай во все глаза и за ними, и по сторонам. Установишь противника, звони, обсудим дальнейший план. Понял?

Ивлев кивнул.

– Справишься – назначу начальником отдела, провалишь задание – уволю к чертовой матери...

* * *

Дима явился только к вечеру. Татьяна вышагивала по комнате с упорством автомата, изредка останавливаясь у окна и время от времени всхлипывая.

– Брюнеткой тебе тоже хорошо, – заметил приятель.

– Я так больше не могу, – девушка швырнула парик на кровать. – С тех пор как мы начали этот эксперимент, меня каждую ночь мучают кошмары, я то и дело попадаю в нелепые ситуации и дергаюсь, как истеричка... Надоело!

– Солнышко, ну потерпи немного, – Дима подбросил на ладони кассету с фото пленкой. – Скоро это закончится, и мы уедем. Туда, где все будет иначе.

– Не будет! – Таня села на кровать и прикрыла лицо руками. Ее плечи вздрагивали. – Ты используешь меня как живца... как куклу-приманку. Ты изверг, Марков! Ты думаешь только о своей работе! Я для тебя всего лишь ее незначительная часть! Ты весь в деле.... Но я ведь тоже живая! У меня есть чувства! А ты... а ты.... Когда ты наконец разведешься?!

– Вот так поворот! – искренне удивился Дима. – А это здесь при чем?

– При всем! Мне надоело ждать, когда вырастут твои дети, когда «созреет ситуация»... Ждать и делать вид, что я тебе верю, что меня не волнует, чем ты занимаешься вечерами, ночами и по выходным.

– Постой, зайка, но мы же все решили! И какое отношение это имеет к работе?

– Прямое! Думаешь, я поверила, что ты хотел помочь, когда отправлял меня в аэропорт?!

– Конечно, – Дима поправил очки. – Встреча с Шорниковым могла вытолкнуть твои скрытые воспоминания на поверхность. Ты должна была вспомнить, что вас связывает, и это разрушило бы блоки в твоём подсознании. А за этим потянулась бы и вся цепь положительных эффектов. Избавление от ночных кошмаров, нервозности, необъяснимых провалов памяти.

– Ну, да-а... положительный терапевтический эффект! – Таня говорила с сарказмом. – Так вот, господин доктор, не вышло! Я не вспомнила о Шорникове ничего нового! Я по-прежнему знаю его фамилию и помню, что мы встречались. Но где, когда и почему – ни единой зацепки!

– И ты все так же уверена, что твои ночные кошмары связаны с этой встречей?

– Убеждена! Что-то с нами тогда случилось... что-то плохое.

– Может, еще раз попробовать? – Марков задумался. – Спросить его прямо – что он помнит? А вдруг он скажет некое ключевое слово?

– Хватит! – отрезала Таня. – Я придумала другой метод избавления от неврозов. Нам пора определиться.

– Ну, мы же сто раз об этом говорили! – с досадой воскликнул Дима. – Надо немного подождать... три-четыре года.

– Ничего себе – немного! – возмутилась Таня. – Мне уже двадцать пять! Через четыре года будет двадцать девять, а там и тридцать. Кого я рожу в таком возрасте? Синенького цыпленка?

– Нормальный возраст, – Дима снял очки и принялся их сосредоточенно протирать краем рубахи. – Что ты завелась?

– Ничего! Решай!

Таня легла и уткнулась лицом в подушку.

– Ну, ладно, чего ты? – Дима нерешительно погладил ее по руке. – Мне пора... но ты не расстраивайся. Я позвоню, ладно? Прямо с утра.

Девушка не ответила. Дима вздохнул и, торопливо заправив рубашу в брюки, направился в прихожую. Там он задержался, хотя на обувание много времени не потребовалось, а надевать было нечего, но Таня так и не вышла.

– Я позвоню! – вновь пообещал Дима уже с лестничной площадки и аккуратно прикрыл за собой дверь.

Когда щелкнул замок, Таня села, схватила подушку и запустила ею в шифоньер. Старый фанерный короб обиженно погудел и затих. Легче от такого «выброса отрицательной энергии» не стало, но слезы куда-то ушли, а подступивший к горлу ком исчез. Мысленно извинившись перед четвероногим бабушкиным ровесником, Таня устало сползла с кровати и подняла намокшую от слез и испачканную тушью подушку.

То ли шифоньер не принял извинений, то ли сказалось нервное напряжение, но Таня вдруг услышала, как в недрах полупустого предмета обстановки зарождается новый низкий звук. Девушка удивленно взглянула на полированный шкаф. Его правая створка вдруг раскрылась, и с верхней полки вывалилась стопка носовых платков, а за ней посыпались трусики и лифчики. Таня от неожиданности даже отпрянула, и вдруг пол стремительно ушел куда-то вперед, а кровать ударила под колени, и девушка упала на нее, вызвав в толще матраса возмущенный скрип.

Лежа на спине, она с удивлением наблюдала, как раскачивается люстра, а по потолку, в проекции стыка между плитами перекрытий, ползет тонкая зубчатая трещина. К низкому гулу мебели присоединился звон кухонной посуды, затем бряканье чего-то в ванной, грохот за стеной – в соседней квартире и скрип открывшегося настежь окна. Из трещины в потолке посыпалась штукатурка, какой-то песок, и Таня очнулась. Она вскочила с кровати и бросилась к входной двери. Землетрясения на побережье были редкостью, но не экзотикой. Что делать в таких случаях, Таня помнила с детства. Она схватила с полки в прихожей куртку и набросила ее наподобие капюшона на голову. Обуваться было некогда, и легкие туфли она просто сунула под мышку.

Очутившись на лестнице, она поняла, что обуться все-таки придется. Лестничные марши были усеяны битым стеклом; несколько окон по непонятной причине лопнули, усыпав подъезд тысячами сверкающих осколков.

Сверху и снизу доносились возбужденные голоса и многократный стук в двери, а где-то снаружи, ближе к набережной, заливались воем пожарные сирены.

– На улицу! Все на улицу! – кричал уверенный мужской голос. – Анна Петровна, откройте! Землетрясение! Надо покинуть дом!

– Нет, Володя, я не пойду, – голос пожилой соседки снизу был слышен приглушенно. – Не впервой!

– Срочно покиньте квартиру! – надрывался сосед Володя. – Очень сильное землетрясение!

– Дом крепкий, сдюжит, – упорствовала старушка.

– Таня, не спи!

Девушка почувствовала, как ее сносит вниз по лестнице неумолимая мужская сила, воплощенная в капитане второго ранга Гордиенко, соседе с пятого этажа. Сопrotивляться она не стала. Офицер выпустил ее из крепких объятий уже на детской площадке, во дворе. Она стянула с головы куртку, одернула кофточку и смущенно улыбнулась.

– Спасибо, Женя.

– Пожалуйста, – моряк указал взглядом на верхние этажи. – Там сейчас качает, как на марсе.

– Вы бывали на Марсе? – не совсем понимая, о чем речь, удивилась Таня.

– Приходилось, – офицер рассмеялся. – Курсантом еще. Когда на учебном паруснике ходил.

– А-а, вы про этот... на мачте, – девушка тоже засмеялась. – А я подумала...

– Нет, на красную планету ходить пока не доводилось, – Евгений стал вдруг серьезным. – Вы бы ехали куда повыше, Таня. Если эпицентр в море, скоро здесь будет волна. И не маленькая.

– Ой, я, кажется, дверь не закрыла, – забеспокоилась девушка.

– Я захлопну, – пообещал моряк. – Поезжайте, пока снова не тряхнуло.

– Спасибо, – Таня попятилась, затем развернулась и быстрым шагом пошла к стоянке, где скучала ее «Тойота».

Едва она пересекла двор, земля задрожала снова. Девушка успела ухватиться за фонарный столб, но тут над головой хлопнула взорвавшаяся лампа и сверху посыпался дождик мелких осколков. Таня невольно вскрикнула и бросилась прочь от коварного столба. Сделав пару шагов, она споткнулась и упала прямо в объятия новому спасителю, на этот раз незнакомому, но не менее крепкому, чем Женя. Он молча поставил девушку на ноги и кивнул на выглядывающий из-за угла дома капот микроавтобуса. От страха Таня уже плохо понимала, что происходит, и потому сразу согласилась с немым предложением спутника. Они пробежали мимо накренившихся качелей, перепрыгнули через упавшее то ли от старости, то ли от землетрясения дерево и подбежали к машине. Только когда в ее борту раскрылась сдвижная дверь, у Тани возникло опасение, что в происходящем кроется какой-то подвох. Из салона «Газели» к ней протянулись сильные руки, и она в одно мгновение очутилась внутри машины. Молчаливый спаситель запрыгнул следом, хлопнула дверь, и автобус сорвался с места в карьер.

– Здравствуйте, Татьяна Сергеевна, – сказал незнакомый мужчина из глубины салона.

– Здравствуйте, – Таня подняла на него удивленный взгляд. – Откуда вы меня знаете?

– Ивлев, Александр, – представился мужчина. – Вы вряд ли меня помните, но год назад мы встречались на юбилее вашей фирмы. Вам тогда подарили серебряную кофеварку. Как лучшему работнику года.

– Одному из десяти лучших работников, – девушка усмехнулась.

– Ну, если учесть, что общий штат предприятия включает более сотни служащих...

– Да, да, это было приятно, но... Извините, я вас действительно не помню.

– Не беда, – Ивлев коротко махнул рукой.

– А куда мы едем?

– Подальше от берега, – охотно пояснил Александр.

– Я хотела на машине...

– Она у вас застрахована?

– Да... но...

– Дорога каждая минута, – Ивлев огорченно развел руками. – Скоро сюда придет очень высокая волна. По-японски – цунами.

– Ой, а как же остальные?! Там Женя, тетя Аня и другие соседи остались!

– Не волнуйтесь, спасатели уже выслали автобусы и грузовики. Вывезут всех. Вас в какой район доставить?

– Мне все равно, – девушка вздохнула. – Вы меня у моей конторы высадите. Это достаточно далеко от берега?

– Вполне, – Ивлев кивнул.

Тане показалось, что кивнул он не в знак согласия, а как бы приказывая что-то молчаливому товарищу, но она почти сразу об этом забыла. Потому что машина свернула и помча-

лась по набережной. Боковые стекла были затемнены – в глубине сознания снова всколыхнулась какая-то тина невнятных сомнений, – но это не помешало рассмотреть, что творится на море. Вдалеке, у горизонта, несмотря на солнечный день, море было темным, почти черным, и вздымалось высоченной устрашающей стеной. Девушка почувствовала, как замирает сердце и становятся мокрыми ладони. Такого кошмара она не видела даже в своих безумных снах.

В это мгновение земля снова вздрогнула и машину занесло. Водитель притормозил, виртуозно выругался, не менее лихо выровнял движение, и автобус снова помчался по набережной.

– Здесь надо было направо... – беспокоилась Таня, когда машина пролетела последний поворот. – Дальше ремонт.

– Буер, ты слышал? – обратился Ивлев к водителю. – Барышня волнуется.

Его интонации Тане не понравились. Слишком уж он был спокоен и вальяжен. И это в преддверии настоящего апокалипсиса.

– А я прямо по газонам, через поребрики, – сквозь зубы ответил шофер. – Не на «япошке», брюхом не зацепим. Это ж наша техника, ей дороги ни к чему.

– Да ты патриот? – делано удивился Ивлев. – А вот местные автолюбители ни в какую не хотят пересаживаться на отечественные машины.

– Вот смоем цунами все их иномарки, тогда и пересядут, – парировал водитель. – Так, Танюша?

Он посмотрел в зеркало и, поймав Танин взгляд, подмигнул. Компания девушке окончательно разонравилась. В иной ситуации она бы заявила, что желает выйти, но сейчас ей пришлось смириться с окружением. «Газель» тем временем действительно перемахнула через два тротуара, газон и загрохотала по высохшим глиняным кочкам обширного пустыря.

По ее крыше и стеклам хлестнули тяжелые струи дождя. Темные тучи налетели так стремительно, что Тане показалось, будто выключили свет.

– Только бы не развезло раньше времени! – перекрывая грохот сменившего дождь града, прокричал Буер. – Увязем на хер!

– Не ругайся! – крикнул в ответ Ивлев. – Не один в машине!

– А-а... – шофер раздосадованно махнул рукой.

Глина под колесами быстро размокала, и пару раз автобус почти застрял, но все закончилось благополучно, и в конце концов Буер гордо вывел транспортное средство на залитый уже по щиколотку проспект. «Дворники» работали с предельной частотой, но видимость из-за ливня была все равно близкой к нулю. Судя по репликам, шофер был не местный, и как он ориентируется в незнакомом городе при такой погоде, Таня себе не представляла.

– Сейчас направо, – подсказал Ивлев.

Водитель взглянул на лежащий рядом с ним планшет размером со стандартный лист и кивнул. Таня чуть вытянула шею и рассмотрела, что планшет не простой, а с цветным дисплеем, на котором высвечивается карта города. А еще на схематичных дорогах пульсируют маленькие красные и зеленые точки.

– Это бортовой компьютер? – Таня смущенно улыбнулась.

– Ага, – Буер хохотнул. – От самолета. Красные светлячки – встречные машины, зеленые – пешеходы. А вы думали, только японцы в электронике шарят?

– Мы офис проехали, – Таня настороженно обернулась к Ивлеву.

– Там сейчас слишком много воды, – равнодушно ответил тот. – Придется вам переждать катаклизм в нашей конторе. Это недалеко. На соседней улице.

– А если ее тоже затопит?

– Вряд ли. В ней семь этажей, и стоит она на холме.

– Семь этажей? Сотовая компания?

– Она самая, – Ивлев внимательно посмотрел девушке в глаза. – Заодно и побеседуем.

– О чем?

В голове у Тани словно что-то взорвалось. «Газель» с тонированными стеклами! Та, что стояла утром в аэропорту. Та самая, в которую затаскивали Шорникова. Эти люди были не из сотовой. Откуда – оставалось лишь догадываться, но неприятностями от них веяло, как холодом из морозильной камеры... или из могилы.

– Я вижу, вы и сами знаете – о чем, – Ивлев удовлетворенно откинулся на спинку сиденья.

Автобус въехал в тесный дворик и свернул к раскрывшимся воротам в торце здания. Когда тяжелые створки сомкнулись позади машины, Таня окончательно поняла, что «попала»...

* * *

Капитан второго ранга Гордиенко вынул из кармана телефон и вызвал занесенный в память аппарата номер.

– Ее взяли, – коротко доложил офицер, когда абонент ответил.

– Возвращайся на базу, – приказал собеседник. – И поторопись.

– Здесь много гражданских, надо бы эвакуировать...

– Жень, это не твоя забота! Делай ноги!

– Разрешите взять хотя бы детей!

– Спасатели в двух минутах езды. Ходу, кавторанг, ходу!

– Есть, – Евгений оглянулся и, пригибаясь от налетевшего шквального ветра, побежал к машине.

За его внедорожником прятались несколько человек. Они то и дело выглядывали в серый предгрозовый полумрак в надежде увидеть «мигалки» спасателей или пожарных.

– Дядя Жень! – отреагировала на появление офицера его соседка, тринадцатилетняя Леночка. – А мы думали, вы уже уехали на автобусе с тетей Таней!

– Садитесь! – перекрывая вой ветра, крикнул Гордиенко. – Иван, Света, пацаны... в машину! Компактнее!

В просторный «Паджеро» набилось человек десять. Правда, взрослых, не считая самого кавторанга, было лишь двое. Гордиенко включил фары и вывел машину на проспект. В эту минуту налетел тяжелый шквал, а за ним ударил заряд крупного града. По улицам, с холмов к морю, понеслись потоки мутной воды и грязи. Видимость упала до нуля, и Евгений был вынужден вести машину с предельной осторожностью. Словно чувствуя, каково сейчас водителю, умолкли даже самые неугомонные из пацанов. Лишь когда дождь немного утих, а машина вырулила на пригородное шоссе, все та же Леночка осмелилась спросить:

– А куда мы едем?

– Ко мне на базу, – ответил Гордиенко.

– На базу флота? – восхитился кто-то из мальчишек. – Круто!

– Нет, на другую, – Евгений усмехнулся. – На сухопутную, но тоже крутую.

– На ту, где спецназ? Где «дельфины»? А нам дадут пострелять? А танки там есть? – загалдели пацаны.

– Цыц! – прикрикнул Гордиенко. – Пострелять дадут самым молчаливым, остальных – на гауптвахту!

– Понял, Сема, мне дадут гранатомет! А тебя на губвахту посадят! Сема-губвахта!

– Сам ты губвахта!

– А ты...

– Ну, все... понеслось, – Гордиенко включил приемник и несколько раз ткнул в кнопки фиксированных настроек музыкальных программ.

Радиоэфир молчал. С одной стороны, это было тревожным признаком, но с другой... Землетрясение, цунами и последовавший ураган нарушили функционирование одной из составляющих Системы. А это было как раз неплохо...

5 ОГОНЬ

Субмарина мягко качнулась и замерла. Электродвигатели отключились, в борту, чавкнув, открылся люк, а к причалу поползли шупальца крепежных захватов и шершавый язык трапа. Шорников терпеливо дождался, когда подлодка окончательно войдет «в клинч» с причалом, и неспешно выбрался из ее утробы. В шлюзовом «пузыре» было тесновато; он предназначался для приема мелких суденышек, а потому имел всего сотню метров в диаметре. Высота центра купола тоже не кружила голову – пятнадцать метров. Однако после долгого пребывания в пятикубовом объеме двухместной субмарины дышалось в «просторном» шлюзе полегче. Виктор забросил на плечо сумку и взглянул на часы. Полдень по столичному времени. Несмотря на задержку рейса, он успел, и это было хорошим знаком.

Несколько шагов вдоль причала, короткая лесенка вниз, длинный трап-тротуар над бассейном открытого ремдока и, наконец, заветные двери внутреннего приемного отсека. Виктор прижал ладонь к сенсору и ровным, спокойным голосом назвал свою фамилию:

– Шорников.

– Идентификация положительная, – ответила Система бесполым голосом. – Предъявите багаж.

На метр ниже сенсора раскрылись квадратные створки. Виктор бросил сумку в образовавшуюся нишу.

– Доступ разрешен, – спустя пару секунд объявила Система. – В Город вы можете проехать, воспользовавшись четными линиями экспрессов или на такси с желтой индикацией...

– Знаю, знаю, – Шорников усмехнулся. – Не в первый раз.

– Шорников Виктор Валентинович, вас встречают, – неожиданно добавила Система.

– И зачем было распространяться о транспортных схемах? – Виктор усмехнулся.

Снова забросив на плечо спортивную сумку, он миновал распахнувшуюся герметичную дверь, затем еще одну и оказался в просторном зале. Встречающих было немного. Рейсовые и служебные подлодки прибывали в основном к началу рабочего дня, а частные посудины были пока большой редкостью. Шорников окинул внимательным взглядом лица и безошибочно выделил нужное. Молодой, неброско одетый человек был слишком безучастен к происходящему в зале, словно забрел сюда по чистой случайности. Так вели себя все новички.

Виктор подошел к парню и молча протянул ему... сумку. В глазах юноши промелькнуло удивление, и он немного покраснел.

– Э-э... Виктор Валентинович? – перехватывая всученную ношу поудобнее, пробормотал встречающий. Он вновь торопливо перехватил багаж левой, а правую протянул Виктору. – Здравствуйте...

– Он самый, – Шорников пожал руку. – Привет. На машине?

– Да... То есть – нет! – спохватился парень. – Я на капсуле... в смысле – капсулой... Так быстрее. В обычных тоннелях пробки.

Он был смешным. Рыжим, нескладным, с крупными веснушками на носу. Говорил, сильно смущаясь, и не знал, куда девать свои длинные руки. Шорников вздохнул. Вот оно, новое поколение техногениев. В десять они осваивают персональный компьютер, в четырнадцать становятся асами виртуальных игр, а в восемнадцать достигают кибервершин, и им становится скучно. И вот тут-то наступает примерно тот момент, о котором говорил человек в самолете. Путь с вершины лежит вниз. Для тех, кто не находит в себе смелости создать собственную программную империю или не продает свои таланты приличной компьютерной конторе, не остается ничего иного, как покатиться в пропасть. Некоторое время они балансируют на грани, исполняя роли неуловимых и успешных хакеров, но финал обычно для всех один.

Их отлавливают и либо сажают в клетку, либо отправляют на «переподготовку». Так в свое время случилось и с самим Виктором, так в подводный город наверняка попал и этот юнец. Он наивно посчитал, что «переподготовка» и работа в закрытом учреждении неплохая альтернатива «отсидке», и только оказавшись на дне, понял, что заблуждается. Причем, оказавшись на дне не в переносном смысле, а в самом прямом. Нет, физически выбраться отсюда было легче легкого. Садись в субмарину и плыви к берегу. Но уйти от навязчивого внимания работодателей и виртуальной принадлежности к Системе... Любой, кто хотя бы поверхностно знакомился с возможностями «Водолея», навсегда расставался с подобными иллюзиями. То, что создавалось в Городе-на-дне, было откровением для любого человека. Даже для хорошо разбирающегося в тонкостях современных технологий мобильной связи, всемирной сети и спутниковых телесистем. «Водолей» настолько органично объединял эти компоненты и управлял ими столь эффективно, что неподготовленные люди чувствовали себя абсолютно не защищенными от его всеведения. Чувство, деморализующее на все сто. Наверное, поэтому отдел безопасности настаивал, чтобы любого новичка сразу же приводили в главный зал и доступно объясняли ему основные задачи и возможности проекта. После такой экскурсии шелковыми становились любые бунтари, а производительность их труда возрастала до предельной. Все это способствовало расширению Системы, а вместе с ней рос и Город. Новички прибывали почти ежедневно, но в строй вступали очередные мощности, и дефицит кадров все равно сохранялся. В последнее время даже приходилось обучать людей по ускоренной программе – за какой-то месяц. А что можно сделать за месяц? Дать кандидатам общее, туманное представление о будущей работе и, в свою очередь, присмотреться к новобранцам? Сомнительно. За месяц суть такой сложной работы не понять даже в общих чертах, а присматриваться...

Шорников еще раз смерил парня взглядом. Ботинки удобные, но не растоптанные, а достаточно новые. И не щегольские, а универсальные. Можно и в приличное место пойти, и по задворкам пробежаться. Рационально... Брюки. Не полувоенные штаны с множеством карманов или практичные джинсы, а брюки с архаичными «стрелками». Франтоват парнишка... Тонкий свитер из чистой шерсти глубокого синего цвета. Тоже неплохо выглядит, и цвет романтический, как раз по возрасту. А еще он сможет согреть даже в условиях повышенной влажности. В Городе-на-дне это особенно актуально. Ведь сочленения двух десятков основных и вспомогательных куполов, цилиндрических транспортных тоннелей и шлюз-станций не всегда герметичны. То здесь, то там образуются мелкие и крупные течи, просачивания, скапливается конденсат. В целом относительная влажность воздуха под куполами гигантского подводного поселения никогда не падает ниже девяноста процентов.

Поверх свитера легкая куртка. Это уже необязательно, ведь стандартная температура в городе около плюс двадцати, но в глаза не бросается. Многие носят куртки, спасаясь от влаги и сквозняков, которые гуляют по трубам тоннелей. Юноше радикулит не страшен, и верхняя одежда ему нужна для того, чтобы скрыть оружие, но все равно и покрой, и цвет ее вполне сочетаются с остальным гардеробом. Научили его одеваться за пресловутый месяц жизни в Городе или это его обычный стиль – не важно. Держится он уверенно – волнение не считается, со временем это пройдет, – соображает тоже нормально. Додумался же встретить, воспользовавшись капсулой – служебной транспортной системой из штаб-квартиры ко всем стратегически важным объектам. Другой на его месте прикатил в электрокаре и наверняка бы опоздал. Прозрачные трубы-тоннели действительно уже давно не справлялись с транспортной нагрузкой, а после запуска первого блока «Водолея», когда в Город-на-дне к уже имевшимся десяти тысячам специалистов переселилось еще столько же «сухопутных» гениев, это стало настоящей проблемой.

Вот и все «смотрины». Что до анкеты и других формальностей: ерунда это. Вся «анкета» у человека в глазах. Заглянул на секунду в зрачки – и можешь писать рекомендацию. Или отвод.

О чем первом подумал, то и пиши. Это инстинкт. Он не подводит. У этого глаза хорошие. Правильные.

В общем, вывод: вполне надежный и перспективный парнишка. Даже если не оправдает ожиданий как программист или техник, сможет принести пользу в отделе безопасности. Городу, с его темпами развития, потребуется много специалистов самых разных профилей. Сообразительность есть, мускулатура и оперативные навыки – дело наживное. Недостаток один – запоминающаяся рыжая шевелюра. Но это мелочь. При желании можно прямо сегодня сделать его брюнетом. Причем на всю жизнь. И вывести эти забавные веснушки... Но, как подсказывает опыт, с непоправимым лучше не спешить.

– Представьтесь, – прежде чем двинуться к двери с надписью «служебные помещения», потребовал Шорников.

Парень в очередной раз смутился и принял подобие строевой стойки.

– Стажер Службы безопасности Карасев. Геннадий.

– Веди, Геннадий, – Виктор снисходительно улыбнулся. – А по пути коротко обрисуй суть проблемы. По видеосвязи твой шеф сказал, что ты будешь работать в моем отделе, ты в курсе?

– Так точно, – Карасев указал на дверь. – Сюда, пожалуйста. Я мало знаю. Только установочные данные. Неделю назад по непонятной причине было нарушено энергоснабжение шельфовых куполов, а чуть позже протекли почти все ведущие туда тоннели. Кабели заменили, реакторы перезапустили, но связь так и не заработала. Герметизация и осушение тоннелей пока не закончены, и пойти посмотреть, что там, мы тоже пока не можем.

– А радиосвязь?

– Молчит.

– А оптика?

– Оптико-волоконная линия тоже нарушена. Система в отрезанных куполах бессильна. Ничего не видит и не слышит. Всю жизнедеятельность там контролируют автономные компьютеры. Потому-то служба внутренней безопасности «Водолея» подняла тревогу и вызвала вас. Ведь ваш девятый отдел находится в «Шельфе-3».

– Получается, мы не имеем ни малейшего представления о том, что происходит в трех крупных городских кварталах?

– Вернее, почти не имеем представления, – уточнил Карасев. – От техников, которые успели выйти в промежутке между восстановлением электропитания и разгерметизацией последнего тоннеля, мы узнали, что там все живы и здоровы. Но больше ничего конкретного.

– А через аварийные шлюзы проникнуть не пытались?

– Пытались, но безуспешно. Они заблокированы. Собственно, это и стало следующим тревожным сигналом.

– И не последним?

– Как я сказал, протекли не все тоннели. Третий правый, от причала «Отметка 25» к полусфере «Шельф-3», и центральный, промежуточный между куполами «Шельф-1» и «Глубинный», уцелели. Это точно. И электроника подтверждает, и техники после ремонта электросети уходили как раз по ним. Но теперь они почему-то затоплены.

– Получается, весь шельфовый участок Города полностью отрезан?

– Да. Но главное, он не имеет связи или транспортного сообщения и с берегом, и с островами тоже. Шеф безопасности убежден, что это заговор, хотя и странный. Ведь без сообщения с берегом или донными поселениями злоумышленникам долго не просидеть. В полной-то изоляции...

– Это еще не факт, – Шорников задумался. – Просто отрезать себя от внешнего мира действительно глупо. Во всем должен быть смысл. Откусить у Города часть выгодно расположенных куполов и коммуникаций просто из вредности или в знак протеста было бы неразумно.

В этом шеф прав. Значит, у заговорщиков есть определенная цель. Если мы не поймем их замысел, аккуратно и тихо решить эту проблему не получится. Придется вызывать САУ.

Они прошли по длинному коридору мимо бдительных сканеров, вновь предъявили Системе отпечатки ладоней и рисунок сетчатки, назвали свои пароли дотошным охранникам и наконец-то уселись в кресла платформы секретной транспортной сети. Простенькая на первый взгляд тележка знала маршрут заранее. Откуда-то сзади выполз прозрачный обтекаемый колпак, и платформа превратилась в ту самую, похожую на разрезанное по длине веретено, служебную капсулу. Быстро набирая скорость, транспорт скользнул вдоль толстого монорельса, заложил долгий вираж вправо и внезапно вырвался на темно-зеленый простор. После тоннеля внутри портового купола – огромной трубы с непрозрачными стенками и освещенной так, что казалось, будто едешь внутри одной длинной неоновой лампы, – разверзшаяся вокруг бездна пугала.

Внешние транспортные системы строились по принципу классических трубопроводов: на опоры укладывались отрезки стеклопластиковых труб, а затем глубоководные роботы стыковали их в единую прозрачную артерию. Где-то путем электрохимической сварки, где-то при помощи специальных тамбуров. После монтажа из тоннелей откачивалась вода, и по ним прокладывались соответствующие пути. Либо монорельсы для спецтранспорта и экспрессов, либо металлопластовые плиты для электрокаров. Короткие пешеходные переходы между близлежащими куполами иногда даже просто засыпали золотистым песочком или галькой. Горожане иронично называли такие трубы «пляжными». Но «загорать» в них никто особо не желал. Даже проходили по ним торопливо и опустив глаза долу. Идти или ехать, видя, как вокруг ворочается темная толща многометрового слоя воды, было не очень... Ведь кто мог определенно сказать, насколько прочны эти прозрачные стены и есть ли жизнь за нижней окраиной Города, на большой глубине? Ученые утверждали, что нет. Но чьи глаза высматривали добычу вон там, в бархатистой зеленоватой темноте? Ах, это прожектора подлодок? Ну да, глупые страхи. Только... разве подлодки плавают на таких глубинах и так быстро? Ах, плавают! А умеют они подмигивать своими прожекторами? Да, да, почти как глазами. То одним, то другим. Нет, это не выдумки. В Городе немало людей, которые видели и Морского Змея, и Великого Кракена...

Возможно, если бы путепроводы строились из стали, как сферы куполов, всех этих перекусов и слухов можно было избежать. Но стеклопласт был наиболее дешевым и удобным материалом для прокладки путепроводов, и с психологическими неудобствами «донникам» приходилось мириться. Инженеры, как могли, старались подсластить пилюлю: под потолками сходящихся в перспективе в черную точку тоннелей горели яркие лампы, но это лишь усиливало негативный эффект. Темнота за пределами хрупких трубопроводов становилась гуще, а рисуемые воображением глубинные чудовища – страшнее...

Шорников оторвал взгляд от мелькающих за стеклом теней донного рельефа и попытался сосредоточиться на более конкретных текущих проблемах.

Капсула сбросила скорость и нырнула в непрозрачный внутренний тоннель купола «Глубинный-Центр». Виктор вздохнул с облегчением. Под защитой гигантской стальной полусферы он чувствовал себя гораздо комфортнее. Обтекаемый колпак отъехал назад, и Шорников бодро спрыгнул на платформу. Молодой Карасев едва успевал за начальником.

– Аналитическая группа ждет в конференц-зале, – подсказал он, догоняя Виктора.

– Передай группе, чтобы выдвигалась прямо на причал, – приказал Шорников. – Начнем расследование с личных впечатлений. Анализом займемся позже.

– Прямо сейчас? – удивился Геннадий.

– Прямо, – подтвердил начальник. – Хочу увидеть все своими глазами и немедленно.

– Что же там можно увидеть? – вновь удивленно похлопал белесыми ресницами Карасев. – Внешне – купола как купола... ничего необычного. И глубина там от тридцати до пяти-

десяти метров. Там даже наружное аварийное освещение отключено. Темно, будто у кита в брюхе.

– Отключено? Ну вот, а ты говоришь – ничего необычного. Сплываем в разведку, еще что-нибудь увидим. Где тут самый секретный в Городе причал? Надеюсь, свободная подлодка там найдется?

– Сюда, – юный Карасев махнул рукой вправо. – А свободных субмарин там... практически все. Кому на них кататься?..

* * *

...Шорников направил луч носового прожектора на шлюз купола «Шельф-3». Выглядела герметичная дверь неповрежденной. Виктор надел перчатку управления манипулятором и вытянул руку. Снаружи трехпалая металлическая клешня подлодки дотянулась до двери и осторожно ощупала ее поверхность. Шорников повел рукой вправо. Манипулятор в точности повторил его движение и нащупал рычаг. Если дернуть за эту красную рукоятку, откроются наружные створки. И это будет означать, что доступ в купол все же существует. Останется лишь облачиться в скафандр, войти в шлюз и опустить еще один рычажок, на стене между наружной и внутренней створками. Наружная дверь закроется, насосы откачают воду, выровняется давление, зажжется зеленый огонек и отворится внутренняя дверь. Все просто.

Хуже, если никакой реакции на перемену положения наружного рычажка не поступит. Это будет означать полную блокировку шлюзовой системы, и тут уж только резать. Вручную, каким-нибудь ломиком, такие консервы не вскроешь.

Рычаг вниз... Молчок. Никакого эффекта.

– Тоже заблокировано, – сделал ценный вывод усевшийся позади Виктора Карасев. – Как и в тех...

– Да-а, – Шорников в раздумье потер подбородок. – Остался один шанс.

– Какой? – удивился стажер. – Это был последний шлюз последнего купола. Если только торпедой жახнуть...

– Какой ты резкий, – Виктор усмехнулся. – Торпедой...

– А что такого?

– Агрессивный юношеский максимализм, вот что это такое, – назидательным тоном ответил Шорников. – С возрастом ему на смену придут терпение и дотошность. Я надеюсь.

– А вы предлагаете автогеном? Или лазером? Это точно работенка для терпеливых.

– Что ты за торопыга? – Виктор развернул субмарину и направил ее вокруг купола вприценку с его обшивкой. – Смотри внимательно, стажер. Это купол конструкции Бронского. Модификация «Океан-100». Ты знаешь, что в таких куполах необычного?

– Нет, – Карасев, как и было велено, не спускал глаз с пятна света, которое ползло по обшивке полусферы чуть впереди подлодки. – Но догадываюсь. Лишний аварийный шлюз?

– Так точно, – подтвердил Шорников. – Поскольку эти кастрюли рассчитаны на малые глубины, конструкция предусматривает возможность самостоятельного аварийного всплытия обитателей. И для этой цели в корпус врезаны не пять, а десять шлюзов. Четыре больших, тоннельных, как у всех, к которым подходят путепроводы, и шесть малых, аварийных.

– Вы думаете, что тот, кто заблокировал один аварийный шлюз, не догадается запереть еще пять? Не думаю, что жители купола не в курсе, какой он модификации. Да и если злодеи пришлые... На контрольных пунктах любого отсека висят подробные инструкции на экстренный случай. Там наверняка обозначены все шесть запасных выходов.

– Мыслишь верно, – одобрил Виктор. – Только есть одна техническая деталь. В отличие от глубинных полусфер Бронского, конструкция «Океана-100» не предусматривает системы блокировки седьмой точки доступа.

– Седьмого шлюза? Еще и седьмой имеется? И что же, его нет в инструкциях?

– Нет, поскольку открывать его разрешается только снаружи и только спасателям. Он расположен в центре купола. И это не шлюз. Обычный герметичный люк.

– Вот так фишка! Зачем?

– На случай, если полусфера будет стоять в месте с глубиной меньше пятнадцати метров. То есть верхушка купола будет торчать из воды.

– Точно! – Карасев махнул рукой. – Так расположен причал «Островной» и купол «Песчаный». Они тоже из серии «Океан-100»?

– Наверняка.

– Но... над «Шельфом» двадцать метров воды... Как вы собираетесь открыть верхний люк? А давление? А опасность затопления? Ведь это не шлюз, и, значит, хлынет так, что только держись!

– Это следующий вопрос, – Шорников поднял субмарину чуть выше. – Но сначала мы обязаны проверить оставшиеся пять нормальных точек доступа. Для очистки совести...

...Замок девятого шлюза сработал. С запозданием, неохотно, но сработал. Виктор развернул лодку и дал бортовому компьютеру команду стыковаться. Процедура обычно недолгая, но сейчас дело осложнялось тем, что обратной связи с автоматикой купола не было, и процессору лодки пришлось взять на себя управление процедурой откачки из шлюза воды и выравнивания давления. Пока гудели насосы и компрессоры, Шорников на всякий случай натянул гидрокостюм и проверил снаряжение: маску и небольшой баллон со сжатым воздухом. Купол мог быть затоплен так же, как тоннели. Стажер Геннадий тем временем изучал какие-то сводки.

– Может, я чего-то не понимаю... – Карасев смущенно откашлялся. – Виктор Валентинович, «Водолей» передает сейсмическое предупреждение.

– Какое? – Шорников отложил компактный акваланг и протиснулся к пульту Геннадия. – Сейсмическая опасность... красный код. Что это за шутки?

– Не думаю, что Система умеет шутить, – стажер обеспокоенно взглянул в иллюминатор. За стеклом был виден лишь зеленоватый полумрак.

– Красный код в переводе на человеческий язык означает «с минуты на минуту», – Виктор невольно взглянул на часы. – Если тряхнет сильнее чем на пять баллов, у лодки могут не выдержать стыковочные крепления. Тогда нам точно не проникнуть в купол.

Шорников вернулся к шлюзу. Воды в нем уже не было, но красный огонек над внутренним люком пока не погас. Это означало, что давление еще не выровнялось.

– Может быть, вернемся? – Карасев поежился. – Находиться во время землетрясения под водой... я не знаю, конечно, но мне кажется, это опасно.

– Не успеем, – отрезал Шорников. – Оставаться в субмарине действительно страшновато, но до «Глубинного» нам уже не добраться.

В этот момент шлюз осветился зеленой лампочкой, и внутренний люк купола ушел по направляющим вверх. Внутри полусферы был воздух и над приемной площадкой горел свет.

– Вперед! – Виктор схватил дыхательную маску и откинул рычаг замка. Люк подлодки раскрылся, и Шорников быстро выбрался на внутреннюю площадку шлюза.

Геннадий на секунду замешкался, но вскоре догнал начальника. Виктор как раз протянул руку, чтобы снова задраить купольный шлюз, когда по стенам пробежала первая, едва заметная волна вибрации.

Стальные створки сомкнулись, и над шлюзом, теперь уже с внутренней стороны, зажглась красная лампочка блокировки.

– Как же мы вернемся? – озадачился Геннадий.

– Если не случится непредвиденного, компьютер подлодки повторно снимет блокировку ровно через час. Засеки время. К исходу пятьдесят девятой минуты нам следует быть здесь.

– Понятно, – Карасев облегченно выдохнул. – Тогда не будем медлить?

– Да, надо осмотреться, – из приемного отсека открывались три коридора, но Виктор без колебаний указал на центральный. – Идем в технический сектор. Первым делом надо проверить главный управляющий блок. Если что-то сломалось, то все специалисты должны быть там.

– А если нет? Если это... саботаж?

– Все равно – там, – Шорников вынул из кармана прибор связи с Системой – с виду обычный мобильный телефон.

Прибор, выражаясь словами системных техников, «умер». Виктор нажал несколько кнопок, попробовал их комбинации, но приборчик так и не подал никаких признаков жизни. Купол надежно отсекал все виды излучения, а ретрансляторы приказам «Водолея» не подчинялись. Шорников убрал бесполезный аппаратик и махнул стажеру.

– Идем.

Вторая волна землетрясения настигла их на половине пути. Стены коридора вздрогнули и загудели, а пол ушел из-под ног настолько резко, что Виктор едва не упал. Карасев тоже был вынужден прижаться к стене, но тут же испуганно отпрянул.

– Там кто-то стонет!

Шорников прислушался. Стонал не кто-то – стонали несущие металлические конструкции купола. В сочетании с низким гулом земли и сочным эхом в многометровом слое воды это звучало пугающе.

– Бегом! – Виктор бросился в сторону центрального отсека, но пол продолжал вибрировать, и Шорников, сделав пару шагов, растянулся в полный рост.

Карасев тоже не сумел удержаться на своих двоих и догнал начальника ползком. Так они и продолжили движение, едва не теряя сознание от оглушительного скрежета, низкого гула и воя аварийных ревунов, осыпаемые водопадами осколков и синих искр из лопнувших лампочек, и задыхаясь в дыму от горящей проводки.

Впереди наконец показалась площадка посреди просторного и высокого зала, на которой стоял «купол в куполе» – главный технический отсек, вполне автономная территория «Шельфа-3», которая теоретически должна была остаться в рабочем состоянии даже в случае затопления остального пространства внутри полусферы. Более того, после проведения некоторых демонтажных процедур она могла исполнить роль «всплывающей камеры», надежного спасательного средства.

Толчки прекратились, и грохот немного поутих, но начавшийся пожар стремительно распространялся по коридорам и помещениям купола. Кое-где сработала система тушения, но в большей части отсеков автоматические огнетушители и вытяжки пока бездействовали. Огонь и едкий дым заполнили уже почти все свободное пространство. Шорников надел маску и, приняв вертикальное положение, подбежал к техотсеку. Ни внутри спасательного мини-купола, ни рядом с ним никого не оказалось. Виктор прислушался. Складывалось впечатление, что и внутри большого «Шельфа-3» нет никого, кроме двоих разведчиков Системы. Это казалось странным. Буквально перед аварией здесь жили и работали полторы тысячи человек. Неужели они все умерли от голода и жажды за каких-то четыре дня? В каждом куполе имелся немалый аварийный запас не только сжатого воздуха и регенерирующих элементов, но и пресной воды и продуктов. А энергией каждую полусферу обеспечивал автономный атомный реактор.

Судя по тому, что свет под куполом горел, а вся автоматика – исключая системы внешней связи – работала, реактор заглушен не был. Если людям грозила опасность, техники должны были его заглушить даже на последнем дыхании. Но этого не произошло. Хотя жители «Шельфа» куда-то исчезли.

Из дымной пелены вывалился кашляющий Карасев. От едкого дыма его глаза слезились, и он был вынужден искать путь на ощупь. Виктор схватил стажера за воротник и втолкнул в центральный отсек.

Когда герметичная дверь закрылась, а вытяжка удалила попавший снаружи дым, Виктор стянул с себя маску, отрегулировал подачу кислорода и прижал ее к лицу стажера. Несколько вдохов обогащенной смеси привели Геннадия в чувство, правда, кашлять и утирать ручки из носа и глаз он так и не перестал.

– Сиди здесь! – приказал Шорников. – Что бы ни случилось – не дергайся! Я заглушу реактор и сниму пломбы с креплений этой капсулы.

– Думаете... затопит? – прокашлял Карасев.

– Еще пара таких толчков, и точно затопит. Но ты не трись! Помнишь седьмую точку доступа? Если купол зальет, она откроется, чтобы выпустить как раз эту всплывающую камеру. Так что шанс у нас есть. Жди у двери, я постучу.

– Это рискованно, – стажер схватил Шорникова за плечо.

– Иначе никак. Заглушить реактор надо во что бы то ни стало. Да и пломбы снять тоже. Если этого не сделать, камера не всплывет. Когда прорвется вода, сразу все не зальет. Успею.

Он хлопнул по кнопке открытия двери и, надев маску, вышел в дымный полумрак большого отсека. Дверь за ним закрылась почти мгновенно, но стажеру Карасеву все-таки досталась порция дыма, и его снова скрутил приступ надсадного кашля.

До реакторного отсека Шорников добрался почти без приключений. Пару раз ему пришлось менять маршрут из-за преградившего путь пламени, но внутри любого купола он ориентировался словно у себя дома – Виктор работал в проекте давно, и Город-на-дне вырос на его глазах. Еще раз ему пришлось пойти в обход, потому что один из наружных донных отсеков – правая его переборка являлась стеной купола, а пол прилегал к грунту – был задраен. Это означало, что в отсек проникла забортная вода и, реагируя на это, сработала автоматическая защита.

Три последних перед реакторным смежных помещения оказались нетронутыми пожаром, а отсутствие движения воздуха избавило их от густых клубов дыма. В отсеках висела только мутная пелена, сквозь которую виднелись расплывчатые очертания пульсирующих красным светом «тревожных» ламп. Дымка с красной подсветкой была до боли похожа на кровавый туман. Виктор вспомнил события годичной давности и содрогнулся...

Лес, темный, нависающий тяжелыми лапами елей и безмолвными кронами берез, туман, ритмично клубящийся, словно он танцует сложный, но продуманный танец... Выстрелы, вой клаксона и белокурая женщина с остекленевшим взглядом красивых синих глаз...

Дверь в реакторный отсек была заперта на электронный замок с цифровым кодом. Шорников снова достал «мобильник» и вытянул из его корпуса телескопическую антенку со специальным разъемом на конце. На поиск нужной комбинации могло уйти минут пять, но выбора не было.

Приборчик нашел пятую из семи цифр, когда последовал новый толчок. Виктор выронил прибор и едва не рухнул навзничь. Упасть ему помешали две пары крепких рук. Они схватили Шорникова под локти и вернули в прежнее положение. Правда, в следующий момент запястья Виктора оказались скованными за спиной, а на голову, прямо поверх маски, ему набросили черный мешок. Пытаясь вырваться из рук неизвестных «помощников», Шорников дернулся, но тут же получил чем-то тяжелым по затылку. Голова закружилась, уши будто заложило ватой, а ноги ослабели. Но упасть Виктору снова не дали. Один из незнакомцев бесцеремонно взвалил Шорникова на плечо и, тяжело топая по пластиковому полу, куда-то понес...

6 ВЕТЕР

– Беженцев разместил? – Гордиенко пожал руку капитану Павлову, командиру группы спецназа.

– В учебном классе, – ответил тот. – Пацаны в восторге. Там же плакаты, макеты, снаряжение... Когда все утихнет, Ромашин их отвезет.

– Вслед за волной такой тайфун пришел, еще сутки будет лить, – усомнился Евгений.

– Тогда разместим в казарме, – Павлов хлопнул товарища по плечу. – Не переживай, босиком на мороз не выставим!

Он рассмеялся и поправил ремень автомата.

– А ты, я смотрю, куда-то собрался? – Гордиенко окинул капитана ироничным взглядом. – Бравый, ничего не скажешь. Всех врагов не обезвреживай, нам оставь потренироваться.

– Тьфу на тебя.

– И зонтик возьми.

– Тьфу еще раз.

– Товарищ капитан второго ранга, – рядом с ними остановился запыхавшийся старшина. – Вас в канцелярию...

– Иду, – Евгений легонько стукнул Павлова кулаком в плечо. – Удачи.

– А где «семь футов под килем»?

– Ты же не корабль! Ты вообще шуруп сухопутный! Могу только «ни пуха...» добавить, товарищ капитан-лейтенант.

– К черту, – указывая на двери канцелярии, откликнулся Павлов. – Вас там как раз ожидают, товарищ подполковник.

Атмосфера в канцелярии казалась несколько напряженной, особенно после развеселой пикировки. Гордиенко доложил о прибытии и, повинувшись молчаливой отмашке начальства, сел на стул у стены. Кроме командира и начальника штаба, здесь обосновались двое незнакомых офицеров в полевой форме с общевоинскими эмблемами. С первого взгляда было понятно, что форму они надели исключительно по случаю объявленного в губернии военного положения. Чем могли озадачить невозмутимого командира эти товарищи, Евгению оставалось гадать, но таким задумчивым капитана первого ранга Кулика он не видел уже давно.

– Гордиенко, – командир перевел взгляд с разложенной на столе карты побережья на подчиненного, – подойди. Тут вот наши друзья из ФСБ оперативные данные забесплатно предлагают. Начальство сверху спустило приказ шхериться, а им жалко дело бросать. Поможем?

– Поможем нарушить приказ?

– Это серьезное дело, – коротко пояснил один из федералов. – А наверху в политику играют.

Евгений подошел и мельком взглянул на карту. Таких в штабе военной контрразведки не было. Нет, карта выглядела стандартной, но, кроме привычных обозначений, на нее была нанесена какая-то разноцветная сеть неуставных знаков и пометок. И первым делом в глаза бросались девять крупных синих кружков и четыре зеленых, поменьше, расположенных вокруг красного овала. Гордиенко взглянул на карту еще раз и все понял. Цветные ниточки, независимо одна от другой, тянулись в море и замыкались на этой «ромашке».

– Хорошая схема, – одобрил Евгений. – Подробная. У нас такой нет.

– Теперь есть, – Кулик постучал пальцем по карте.

– Только, возможно, ошибочка в ней, – равнодушно заметил Гордиенко. – Куполов в Городе-на-дне, я подозреваю, больше.

– По нашим сведениям, всего четырнадцать, разве не так? – заинтересовался один из чекистов, более монументальный, нежели его товарищ и в подполковничьих погонах.

– Или мы чего-то не увидели? – ожил второй, майор, вынимая из кожаной папки четкую спутниковую фотографию. На ней был запечатлен район моря над Городом. Округлые тени куполов и тускло светящиеся жгутики путепроводов были хорошо видны даже сквозь толщу воды.

– Я исхожу из агентурных сведений, – ответил Гордиенко. – Вернее – аналитических выводов. Нам известно, что Город состоит из девяти куполов Бронского, четырех донных причалов и главной полусферы «Глубинный-Центр». В каждом из девяти куполов находится один рабочий отдел. Например, в «Шельфе-2» идет разработка новых чипов, в «Песчаном» совершенствуют программное обеспечение, а в «Донном-4» составляют алгоритмы взаимодействия различных, порой несовместимых аппаратных стандартов. Главный купол служит торгово-административным и жилым кварталом. К работе над «Водолеем» он отношения не имеет. Вопрос: где же расположен центральный, связующий, узел Системы?

– Или все-таки в главном куполе, или он «Водолею» не нужен, – высказался начальник штаба.

– Не согласен, – Гордиенко покачал головой. – В «Глубинном-Центре» его точно нет. А насчет его ненужности... Система работает, причем с каждым днем все эффективнее. Я не думаю, что четкое взаимодействие всех ее сетей обеспечивают вторичные узлы. Должен быть единый центр, мозг и, раз уж основная работа над созданием и совершенствованием «Водолея» ведется в Городе-на-дне, логично предположить, что мозг спрятан здесь же.

– Мы запросим спутниковые фото близлежащих квадратов моря, – пообещал подполковник.

– Запросите, – согласился Евгений, – только не по электронной почте. Система может их перехватить. Хотя мне почему-то кажется, что фотографии нам ничего не дадут. Ставить еще один купол чуть поодаль – дорого и бессмысленно. Больше секретности, чем уже есть, таким способом не обеспечить. Если главный процессор «Водолея» действительно расположен в нашем районе, он должен быть в Городе или рядом.

– Но...

– Да, да, – Гордиенко поднял руки и улыбнулся. – Я сказал, что под обычными куполами его нет и дальше в море тоже. Из этого вывод: либо его засунули под грунт, либо оставили на берегу.

– Город для того и упрятали под воду, чтобы никто даже случайно не заглянул на кухню Системы, – возразил майор. – Если оставить «мозг» на берегу, теряется смысл.

– Необязательно, – Гордиенко покачал головой. – Главный процессор – это всего один суперкомпьютер. Организовать охрану одного-единственного объекта достаточно просто. А вот разместить, даже в горах, целый секретный город – нереально. Так что смысл на самом-то деле сохраняется. К тому же суша надежнее. Кто знает, каково сейчас в Городе? А если купола не выдержали землетрясения и протекли? Одно дело потерять лаборатории, другое – всю Систему.

– Убедили, – кивнул подполковник. – По вопросу, каково сейчас подводным горожанам, мы подождем рапорта от капитана Павлова. А вот над «сухим куполом» надо подумать.

– Иди пока, – приказал Евгению Кулик. – Занимайся по плану.

– Разрешите в город, – Гордиенко взглянул за окно. – Шторм вроде бы слабеет.

– Что ты там забыл?

– Текущее задание...

– А-а, это, – командир порывлся в ворохе бумаг. – Вот адресок. Туда ее увезли. Только это ничего не значит. Сейчас народ куда попало расползается.

– Может, и не значит, – с сомнением пробормотал Гордиенко, прочитав адрес. – Сотовая компания... Один из трех китов «Водолея».

– Ну, в общем, да, – нехотя согласился Кулик. – А ты проедешь? Там воды сейчас...

– А я резинку с моторчиком в багажник брошу. Где не проеду, проплыву.

– Резинку с моторчиком? – усмехнулся фээсбэшный майор.

– Это другое, – криво улыбнулся Кулик. – Гордиенко, свободен...

Евгений вышел с твердым намерением сразу же запрыгнуть в машину и отправиться по подозрительному адресу, но у дверей канцелярии его поджидал лейтенант из группы наружного наблюдения.

– Пойдемте, кино покажу, – предложил он.

– А где «товарищ капитан второго ранга»? – рассердился Гордиенко.

– Виноват, – лейтенант смущенно похлопал глазами.

– Да ладно, расслабься, – Евгений подтолкнул его к аппаратной. – Крути, Люмьер...

«Кино» оказалось утренней оперативной съемкой из аэропорта. Евгений внимательно изучил крупные планы «Газели» – той самой, что вечером, перед началом шторма, увезла Татьяну, затем в кадр попала сама подопечная. Она прошла по газону, что-то подобрала и остановилась у обочины, пристально глядя на микроавтобус. Когда из него появился мужчина с кейсом и курткой, перекинутой через руку, Таня оживилась. Она догнала направившегося к стоянке такси человека и протянула ему какой-то небольшой предмет.

– Что она передала? – не отрывая взгляда от экрана, спросил Евгений.

– А дальше смотрите...

Кадр увеличился, и Гордиенко рассмотрел, что девушка протягивает пассажиру обычную фотокассету.

– Это то, что она подняла на газоне? – предположил Евгений.

– Скорее всего, – согласился лейтенант. – Но смотрите дальше, мужчина ее не берет. Возвращает и говорит «не мое».

– Странно. Что за кассета и кто пассажир?

– Что за кассета, мы пока не выяснили, а пассажир – личность известная. Правда, лишь внутри секретного проекта. В наших электронных базах его не оказалось, и это нас заинтриговало. Полезли потихоньку в архивы САУ, но Система сослалась на неполадки и вовсе отключила нас от сети. Пришлось копать по старинке – в бумажных сводках. Нашли. «Нонкомбатант», инженер, но ведь все равно сотрудник «Водолея»...

– Очень мило, – Гордиенко постучал по экрану. – Портрет есть?

– Вот, – лейтенант вывел на экран крупно лицо пассажира. – Менеджер девятого отдела Шорников Виктор Валентинович.

– Какое удивительное совпадение, – Евгений усмехнулся.

– Так точно, подозрительное совпадение, и не одно! – воодушевился лейтенант. – Мы проверили списки пассажиров. Он прилетел с юга, как раз из того городка, где сегодня утром сел захваченный самолет. Ну, тот, где пятерых террористов в капусту покрошили.

– Я понял, – Гордиенко задумался. – Вокруг захваченного самолета была замечена повышенная активность САУ. Оттуда же прилетел Шорников. Но здесь его все равно обыскали те же агенты САУ. Странно. В Системе завелись крысы, и ее служба безопасности в лице Агентурного Управления начала активный поиск?

– А какая связь между пассажиром и Таней? Она же вроде бы не участвует в «Водолее»?

– Вроде бы, – Евгений проследил, как Шорников и девушка садятся в такси и уезжают из аэропорта. – Вот именно, «вроде бы». Нет, так мы ничего не поймем. Придется найти Татьяну и просто расспросить о мужчине и пленке.

– Вы серьезно? – засомневался лейтенант. – Все прикрытие разрушите.

– Да пошутил я, пошутил, – отмахнулся Гордиенко. – Если кассета еще у Татьяны, я ее... незаметно реквизирую. Думаю, этого будет достаточно, чтобы понять, какая существует связь между девушкой, Системой и менеджером девятого отдела. Ты, кстати, в курсе, что это за отдел?

– Не помню, – признался лейтенант.

– Салага, – вздохнул Гордиенко. – Отдел оптимизации системного управления и контроля. Это тебе не группа пельменного дизайна или моделирования поварской униформы. Это серьезный участок работы... Что-то я о пельменях вспомнил, перекусить бы не мешало...

– Так ведь в столовой как раз ужин накрыли, можно приказать, сюда доставят.

– Стоп, не отвлекайся... Значит, менеджер, красавица с неясным прошлым и пленка... Ну что же, задача ясна. Осталось их найти. Желательно в обратном порядке. Хотя можно и всех сразу. Отправь данные на Шорникова всем группам.

– При обнаружении задержать?

– Взять под наблюдение и доложить.

– Есть.

– Лично мне доложить, – уточнил Гордиенко.

– Понял.

– Я буду на пятом канале.

– Так точно.

– Мобильную связь не использовать.

– Не будем.

– Что бы еще такое героическое брякнуть? – Евгений поднял взгляд к потолку. – Если не выйду на связь до полуночи...

– Высылать подкрепление?

– Не будить! – Гордиенко махнул рукой. – При пожаре тушить теплой водой. Пока...

* * *

Разрушений вокруг было предостаточно. Оборванные провода, поваленные деревья, обломки рекламных щитов, куски шифера и прочий мусор. Что-то плыло по течению бурлящих дождевых потоков, что-то сбивалось в кучи и отвалы, почти скрывающие цокольные этажи, и цеплялось за любые выступающие детали ландшафта, ограждения или другие уцелевшие сооружения. В стенах некоторых домов образовались трещины, а одна ветхая «хрущевка» даже покосилась и наполовину обрушилась. Вокруг нее, нещадно поливаемые дождем, возились спасатели и пожарные. Сильный ветер швырял дождевую воду под острым углом и с такой силой, что кое-где не выдерживали оконные стекла. Они давали трещины и вываливались из рам, но звона слышно не было. Из-за воя и свиста ветра прочие звуки глохли, и все происходящее вокруг выглядело кадрами немного кино. Гордиенко свернул с проспекта и вывел машину на узкую улочку. По ней можно было подъехать к семиэтажному зданию сотовой компании с тыла. Судя по плану территории, там располагались гаражи, стоянка для машин сотрудников и служебные ворота. План был, конечно, липовым, но в общих чертах обстановку отображал. Хотя бы давал внешние ориентиры. Что реально находится внутри «гаражей» и за воротами, было вопросом номер два.

Надувать лодку Евгению не пришлось. Воды повсюду было много, но не настолько. Гордиенко остановил машину в квартале от офиса и, накинув капюшон, выбрался на свежий воздух. А также ветер, дождь и, мягко говоря, лужи.

Промокнуть под косым ливнем было проще простого, но Евгения это не беспокоило. С водой он дружил с детства. Даже с такой бешеной. Поток несущейся по мостовой грязи едва не

сбил его с ног, а дождь принялся отчаянно барабанить по капюшону, но Гордиенко прижался к стене дома и, наметив маршрут, побрел, выбирая лужи и ручьи наименьшей глубины.

Наружные стены гаражей и ворота не имели никаких окошек или щелей. Заглянуть на территорию можно было, лишь взобравшись наверх, а высотой сооружения были этажа в три. Евгений прошел вдоль всей этой неприступной стены и оказался у подъезда следующего здания. Вспомнив схему, он вошел в подъезд и поднялся на площадку между третьим и четвертым этажами. Лестничное окошко выходило во двор. Не во двор офиса сотовой компании, а в соседний, но забор между ними был пониже. Да еще к нему почти вплотную стояли три железных гаража с кривыми полустертыми надписями «убрать до...». Срок грозного требования истек лет двадцать назад, а с гаражей облезла почти вся краска, но надписи сохранились.

Гордиенко по возможности аккуратно открыл старое перекошенное окно и выглянул наружу. Войти в дворик обычным путем было бы менее рискованно, но только не сегодня. Единственный путь сюда перегораживали две большие красные машины, вокруг которых толпились пожарники и жильцы. Что они тушили под таким дождем или кого спасали, Евгению видно не было, однако он хорошо рассмотрел стоящую неподалеку группу людей в однотипных дождевиках. Было вполне логично предположить, что это пост охраны «сотовой». Или дозор САУ. Следить за толпой, под прикрытием которой могла незаметно сконцентрироваться ударная группа вероятного противника, было правильным решением. Охрана у компании подобралась толковая.

Гордиенко осторожно встал на подоконник и, нагнувшись, выбрался наружу. Встав на узкий карниз, он дотянулся до древней водосточной трубы и попробовал на прочность ближайшее крепление. Труба гудела и хрипела от переполняющей ее воды, крепление подозрительно шаталось, но нагрузку выдерживало. Так же, как все прочие. Евгений спустился на землю и, вновь прижимаясь к стене дома, а затем к облезлому гаражу, подобрался вплотную к забору.

Колючая проволока, пущенная по верху ограждения, Гордиенко не волновала; если не под напряжением – не преграда. А напряжение в такую погоду, чтобы не получить пожар вследствие короткого замыкания, наверняка отключили. Так же бесполезны были датчики движения и лазеры. Летающий повсюду мусор заставил бы их выдавать сплошные «нарушения периметра». Оставались телекамеры и прожекторы. Они были влагонепроницаемы и хорошо защищены от ветра.

На удобный участок забора смотрели сразу две камеры и два прожектора. Шторм был что надо, в его мешанине очертания целого взвода диверсантов могли сойти за игру дождя и ветра, но лишь при условии, что за пультом сидит «чайник». Опытному оператору охранных систем для распознавания бывает достаточно даже размытого силуэта. Насколько опытна охрана в офисе, Евгений не знал, но действовать он привык наверняка.

Два объектива примерно в двадцати метрах справа и пятнадцати слева и не более тридцати секунд после того, как обе камеры временно выйдут из строя. Вот и весь расклад. Потом грязь смоем дождем, а во двор выбежит свободная смена охранников. Если верить плану, спрятаться от них внутри дворика негде. Только за их спинами. Значит, к моменту открытия служебного входа следует оказаться рядом с дверью. А лучше – над ней, на узком козырьке над крыльцом...

Евгений вынул из кармана пару тонких полиэтиленовых пакетов и набил их мокрой глиной. Вокруг гаражей ее было в избытке. Снаряды получились увесистые, но непрочные. Как раз такие, какие требовались. А бросать предметы точно в цель Гордиенко научился еще до того, как пришел в военную разведку.

Выждав паузу в порывах ветра, он швырнул один за другим оба пакета и взобрался на забор. Тока в оголенных проводах, слава богу, не было. Разведчик лег на проволоку, перевалился на другую сторону и спрыгнул. Приземлившись, он поскользнулся в глубокой луже, но быстро встал и в несколько прыжков очутился у служебного входа. Козырек над крыльцом был

чисто символическим, но удержаться на нем труда не составляло. Гордиенко вскарабкался на скользкую наклонную жестянку и прижался спиной к стене. Прожектора светили исправно, и видимость во дворе была сносная, несмотря на сплошную стену косого дождя. Гордиенко взглянул на атакованные камеры. Оба снаряда попали в «яблочко». Глину с левой камеры уже почти смыло, но правая так и оставалась «слепой», а еще на ней предательски болтался обрывок пакета.

В двери щелкнул замок, и в дождевые потоки нырнула фигура в плаще. Евгений снова взглянул на камеры. Пакета на правой уже не было, да и грязь почти стекла.

– Павло, смыло уже! – крикнули из помещения. – Чистые линзы. Картинка восстановилась. Возвращайся!

– Погоди, – не оборачиваясь, ответил Павло. – Положено проверить.

– Заливает! Под порогом уже лужа! Кто потом будет коридор драить? – второй охранник опасливо выглянул из двери и присвистнул. – Ну и льет! Охренеть! Павло, не вернешься, я дверь закрою!

– Да погоди ты! – на этот раз Павло недовольно обернулся.

И с удивлением обнаружил, что напарник выполнил свою нелепую угрозу. В проеме что-то мелькнуло, и дверь громко хлопнула. Охранник пробормотал пару ругательств и вернулся к двери. Она была закрыта на замок. Павло пару раз пнул по ее бронированной поверхности, а затем вынул из-за пазухи приемопередатчик.

– Гаврилов! Кончай свои шутки!

Ответа не последовало. Павло повторил вызов, затем покрутил ручку настройки и еще раз выругался. Передатчик не работал. Вернее, он работал, но в эфире на всех частотах слышалось только шипение.

Павло спрятал «технику» обратно во внутренний карман и принялся монотонно пинать в дверь. Это было так же бесполезно, как бодаться с танком, но ничего иного ему не оставалось.

«Минут пять Гаврилов, конечно, поглумится, но после откроет, никуда не денется. А иначе ему, козлу, несдобровать. И он это отлично понимает... шутник херов!»

* * *

Гордиенко скользнул в боковой коридор и притаился. По правой стороне располагались пять дверей, и за одной из них, по словам охранника, должна была находиться Таня. Привязанный к стулу, тот выболтал все военные тайны своего учреждения почти без уговоров. Просто глядя в зрачок пистолета.

По центральному проходу кто-то шел. Евгений снял с предохранителя непатриотичную «беретту» и прислушался. Судя по шагам, приближались трое, но один шел чуть позади и молчал. Видимо, это был телохранитель кого-то из беседующих.

– У Системы внутренняя проблема. Три шельфовых купола так и не вышли на связь, – голос был уверенным и властным.

– А теперь, наверное, и не выйдут, – второй голос принадлежал кому-то явно низшего ранга. – Землетрясение повредило еще четыре путепровода и два донных кабеля.

– Ты не дослушал, Ивлев, – раздраженно проронил начальник. – Под одним из куполов находился главный инженер! Понимаешь, чем это грозит? Без него «Водолей», может, и не загнется, но дальнейшее его развитие будет заметно притормаживать.

– Так почему же мы не спасаем этого инженера?

– Ты готов выйти в море? Или спуститься под воду? Знаешь, что творится там во время землетрясения?

– Толчки прекратились. Ради отца-основателя всей Системы можно и рискнуть.

– Ты желаешь записаться в добровольцы?

– А какой выход?

– Не дергаться, – процедил начальник. – Если шельфовые купола затоплены, торопиться некуда. Если нет, тем более. «Водолей» сообщает, что одна подлюдка уже выходила на разведку и даже нашла доступ в третий купол, но кто это был и чего они добились, неизвестно. Связь с разведчиками оборвалась перед самым началом толчков.

– Я все равно считаю, что нам нельзя оставлять шельфовый участок без присмотра. Если о неполадках в Системе узнают те же военные, они сразу отправят лазутчиков, чтобы заглянуть под купол.

– Вот ты и присмотришь, раз такой умный, – небрежно бросил начальник.

Голоса удалились, и Евгений перевел флажок предохранителя в прежнее положение. Ему перепала очень ценная информация и неплохо было бы отправить ее в штаб, но... Во-первых, это можно сделать лишь из машины, передатчик спецсвязи остался там, во-вторых, главной задачей сейчас было увести из этого логова Таню, ну и, в-третьих, раз Павлов отправился изучать обстановку в районе Города, значит, в штабе уже знали об аварии.

Гордиенко подкрался к первой двери и вновь прислушался. Шаги, мягкие и монотонные. Кто-то барражировал по комнате, словно бы надеясь перехватить верткую мысль. Или просто нервничал. Евгений наблюдал за Таней уже не первый день. Это было на нее похоже. Шаги стихли, и послышался вздох. Сомнений не осталось – она. Евгений тихо постучал, и шаги раздались снова. Теперь они приблизились к двери.

– Таня... – шепнул Гордиенко.

– Кто это? – испуганно спросила девушка. – Я... я сплю!

– Я вам помогу... это Женя, ваш сосед...

Дверь приоткрылась.

– Поможете? В каком смысле? Поможете спать? – она натянуто улыбнулась. – Как вы здесь очутились?

– Вашими молитвами, – Гордиенко улыбнулся ответно. – Идите за мной.

– Зачем? Александр сказал, что я могу остаться здесь до утра или пока все не стихнет... что здесь безопасно.

– Он... лукавил, – Евгений крепко взял девушку за руку. – Нам надо уходить. Пока просто поверьте мне на слово, а позже я вам все объясню.

– Все мужчины так говорят, а после бросают, – ответила Таня, по-прежнему цепляясь за надежду, что все происходящее шутка.

– Отставить упрямство! – серьезно прошептал Гордиенко. – Марш за мной!

– Но Александр не разрешит...

– У меня есть для него аргумент, – Евгений поднял пистолет стволом кверху. – Идем!

Таня испуганно замолчала и наконец подчинилась.

Они благополучно добрались до служебного входа и любезно впустили промокшего и отбившего ногу Павло. Увидев беглецов, охранник несказанно удивился, но тут же забыл о них, поскольку попал в глубокий нокаут от простейшего, но сильного прямого в челюсть. Повторно лезть через забор необходимости не было. Гордиенко открыл изнутри ворота и вытянул дрожащую Таню на улицу. Воды там было почти по колено, и она все прибывала. Бежать в таких условиях, да еще против потока, было невозможно, и стометровый путь до машины занял почти пять минут. Запрыгнув в авто, Евгений завел двигатель и, не зажигая фар, развернулся против течения. Внедорожник пыхтел, но полз, то и дело пробуксовывая каким-нибудь колесом. Ехать по темноте, да еще под проливным дождем, было нелегко, и Гордиенко сосредоточился на управлении машиной, обоснованно отложив объяснения с пассажиркой до лучших времен. Впрочем, она и не возражала. Сидела молча и зябко куталась в промокшую одежду. Евгений включил печку и расстегнул молнию на куртке. С него самого текло, как со снеговика в июле.

– Сейчас согреемся, – пообещал он, включая заодно и автомобильное радио. – Вряд ли в такой обстановке какая-нибудь «Европа крест» вещает, но вдруг? Все повеселее будет.

Девушка не ответила. В темноте было трудно разглядеть выражение ее лица, но она резко подалась вперед и замерла.

– Что-то случилось? – обеспокоился Гордиенко, поворачиваясь к девушке.

Дальше все произошло за одну секунду. Со лба в глаза стекли несколько капель воды, и Евгений моргнул. За это время в руке спутницы оказался его пистолет. Гордиенко нажал на педаль тормоза. Щелкнул предохранитель. Офицер перехватил руку Тани, одновременно отводя ее в сторону. Выстрел хлопнул у самого уха, и Евгений временно оглох. Второго выстрела не последовало – Гордиенко выбил у Тани пистолет движением свободной руки слева направо и, возвращая руку, крепко приложил девушку локтем прямо в лоб. Так вести себя по отношению к женщинам было неэтично, но ничего другого не оставалось. Да и удар был скорее останавливающим, чем обезвреживающим.

В следующую секунду пистолет вернулся к законному владельцу, а слегка «потерявшаяся» валькирия была пристегнута ремнем безопасности к сиденью. Евгений рискованно включил в салоне свет. На лбу девушки надувался кровоподтек, а в глазах не было ничего, кроме льда и спрятанной под ним пустоты. И это не был нокдаун от удара. Это было нечто иное. Евгений быстро отстегнул пассажирку, сковал ей руки за спиной и пристегнул к сиденью снова.

По опыту Гордиенко знал, что так быстро ничто не заканчивается. Ни любовь, ни тем более война. Словно подтверждая его опасения, сзади раздался звучный щелчок. Евгений выключил свет, но перед этим успел увидеть, что в заднем стекле образовалась пара аккуратных дырочек.

Задерживаться на линии огня было нелогично, и Евгений рискнул направить машину поперек потока, свернув в узкую незнакомую улочку. Окажись она тупиком, вернуться было бы проблематично – лужи здесь удались, хоть плыви. Но скоро впереди показался просвет, и Гордиенко притопил педаль акселератора. Внедорожник покатиł в дождливую тьму, отбрасывая в стороны высоченные волны.

Две дырки в заднем стекле и одна в крыше были, в общем-то, мелочью. Особенно учитывая результат. Теперь Гордиенко был абсолютно уверен, что взял Таню «в разработку» не напрасно. Оставалось ее допросить и выяснить, что связывает девушку с Системой и САУ.

7 КАМЕНЬ

– Да, я понял, товарищ генерал-полковник. Оказывать содействие. Закрывать все «разработки».

Капитан первого ранга Кулик положил телефонную трубку и беззвучно выругался.

– Проблемы? – встревоженно спросил начальник штаба.

– Ерунда, – Кулик нервно бросил на стол ручку. – Просто нас прижали, так же, как федералов. Где Гордиенко?

– Пока не вернулся.

– Свяжитесь с ним, пусть едет на базу. Немедленно!

– САУ закопошилось? – догадался офицер.

– Их начальство предъявило нашему протест, – недовольно пояснил Кулик. – Как эти прохвосты догадались, что мы за ними наблюдаем, хотелось бы мне знать? Там, наверху, сейчас такие шестеренки закрутились – жернова просто, а не шестеренки. Перемелют и нас, и наших генералов с адмиралами в муку, даже не скрипнут. Надо выяснить, нет ли у нас тут утечки.

– Я займусь.

– Займись, – устало согласился Кулик. – Павлов тоже еще не вернулся?

– Выходил на связь уже с берега, значит, скоро будет. Сказал, что везет одно место багажа. Приказать, чтобы скинул?

– Багаж-то? Нет, пусть везет, раз прихватил. Только не сюда, а на второй полигон. Но остальные мероприятия свернуть. И «наружку» отозвать. И вообще... все дела по Системе пока в архив. Но далеко не засовывать.

– Понятно, – начштаба кивнул. – Почти год работы впустую. Обидно.

– Обидно не за работу, – угрюмо возразил командир, – а, как говорится, за державу. Возможно, начальству виднее, да только я думаю, не будет добра от этой затеи с «Водолеем». Слишком сырая идея. Особенно по части управляемости. А от сырого – может случиться несварение. Как бы нам в скором времени не обгадиться по уши. Пока Система глобальную сеть тайком прочесывает да телефоны с радиоэфиром прослушивает, еще не страшно. С точки зрения разведки и контрразведки, даже полезно. А вот если она возьмет под контроль управление стратегическими объектами и спецсвязь, быть беде. Кто-нибудь точно соблазну поддастся. Это же не игрушки. Записался в операторы «Водолея» – и ты круче Президента.

– Но куратор от правительства считает, что все будет наоборот – Президент или высшие чиновники смогут напрямую контролировать все средства связи и управления. А вообще, не наше это дело, командир. На высшем уровне все решения принимаются, и САУ с подачи вице-премьера создано, да и, если честно, это федералов забота. С нас какой спрос?

– Куратор так считает? А он кто – программист или системный инженер? Очки министру втирают, вот что я думаю. И узнать – кто это делает, а главное – зачем, до этой минуты и было нашей задачей. Хоть и не по профилю.

– Половина стратегических объектов страны подконтрольна нашему ведомству, так что, получается, по профилю, – возразил начштаба.

– Это если мы докажем, что Система нужна не для блага отечества, а для каких-то подлых делишек. А доказать это нам мешают. Такой вот круговорот. И пока все гладко, с нас действительно не спросят, но ежели лопнет авантюра, претензий нам предъявят не меньше, чем федералам. «Куда смотрели? Почему не разобрались?» Знаю я эти схемы. Ты вот что, Иван Константинович, если Гордиенко выйдет на связь, намекни ему, что да как. Пусть он как бы «от рук отобьется». На время. Но связь на запасной частоте все-таки держит. А когда ситуация прояснится, мы с ним встретимся. Неформально. Он знает где. Сделаешь?

– Конечно, – начальник штаба усмехнулся. – Учитывая его репутацию, это подозрений не вызовет. Только... как бы ему не пришлось ходить снова в лейтенантах.

– Если не сковырнем «Водолея», нам всем несладко придется. И Евгений окажется в самом выгодном положении. Он-то молодой, успеет снова до «кап-два» дослужиться... правда, не больше и где-нибудь в береговой охране на Симушире. А вот нам с тобой, Ваня, мгновенная пенсия светит. И это в лучшем случае.

– Справимся, – уверенно проронил начштаба. – Профессионалы мы или матросы-срочники?

Их разговор прервало появление дежурного.

– Разрешите? Товарищ командир, там два генерала прибыли и какие-то гражданские. КПП уже проехали, сейчас здесь будут.

– Как на КПП представились?

– Один генерал из Генштаба, второй – из сухопутного округа, предписание показали. А гражданские вроде бы с ними.

– Странно, – Кулик взглянул на НШ. – Пахомов по телефону ни слова не сказал. Давай, Константиныч, поспеши. Как договорились. А я пока встречу эту внезапную инспекцию. И не сидится же людям на месте в такую собачью погоду!

* * *

– Конец связи, – Гордиенко положил трубку приемопередатчика и развернул машину.

Запасная база, на которую приказал ехать начальник штаба, располагалась среди поросших густыми лесами сопок. Нормальных дорог там не было даже в нормальную погоду, а теперь-то... видимо, все же не зря в багажном отделении лежала резиновая лодка с небольшим, но сильным моторчиком.

Опасения оправдались даже быстрее, чем Гордиенко ожидал. Под колесами машины только начали отстукивать ритм, похожий на железнодорожный, бетонные плиты заброшенной военной дороги, а впереди уже показалось бескрайнее пресное море. Оно разливалось между деревьями и укрывало «бетонку» метровым слоем воды. Евгений сверился с картой. До старой базы ракетчиков оставалось еще десять километров.

Гордиенко остановил машину, прыгнул в глубокую лужу и открыл багажник. Надуть лодку было делом нескольких секунд. Зашипел баллон со сжатым воздухом, и из небольшого, аккуратно сложенного свертка сформировалось двухместное суденышко с упругими округлыми бортами. Евгений зафиксировал на корме складное крепление и навесил мотор. Можно было отправляться в дальнейший путь. Снова забравшись в машину, он отстегнул Татьянин ремень безопасности, снял с ее сиденья подголовник и откинул спинку. Неизвестно, что подумала, оказавшись в горизонтальном положении, пленница, но, как только выдалась возможность, она ухитрилась укусить Гордиенко за руку. Евгению пришлось решить заодно и эту проблему. Он порывлся в «бардачке» и нашел там моток широкого скотча. Заклеив Тане рот и связав ноги, он открыл заднюю дверцу и, не размыкая наручников, за плечи вытянул брыкающуюся девушку на свежий воздух.

– Будешь трепыхаться, всю обмотаю, как мумию, – предупредил он пленницу, укладывая ее на дно лодки. – «Челн утлый», может перевернуться. А со связанными руками-ногами немудрено утонуть даже в этих лужах. Поняла? Я спрашиваю, поняла меня?

Глаз девушки он не видел, но короткий кивок различил. Видимо, затмение у Татьяны в голове было не тотальным, что-то она все-таки соображала.

Евгений забросил в лодку канистру с бензином, непромокаемый мешок со снаряжением и запустил мотор. Работал миниатюрный двигатель почти бесшумно, особенно на фоне режущего

ветра, шума дождя и шелеста листвы. Фонарь на носу лодки был не таким мощным, как фары машины, но позволял хотя бы не врезаться в ближайшие деревья.

Первая миля «сухопутного плавания» прошла беспокойно. Таня снова начала брыкаться и пару раз едва не вывалилась за борт. Гордиенко одновременно придерживал рукоятку мотора и, без устали работая ручным насосом, выкачивал из лодки дождевую воду. То есть обе руки у него были заняты и придерживать пленницу ему приходилось ногой. Очень скоро он почти выбился из сил.

– Если не прекратишь брыкаться, я тебе так врежу, на сутки отключишься! – рявкнул он.

Угроза подействовала. Таня замерла и приподняла голову, словно к чему-то прислушиваясь. Это Евгения насторожило. Он заглушил мотор и оглянулся. Где-то вдалеке едва различимо сквозь шум дождя и ветра гудели мощные моторы. Гордиенко даже показалось, что он видит светлячки прожекторов. Свои это или погоня, лучше было не выяснять. Он снова завел двигатель и выжал из него все, что возможно.

Рискованный слалом между деревьями и плавающими повсюду корягами закончился километра через два. Бетонная дорога вынырнула из-под слоя грязной воды и пошла вверх. Дальше предстояло идти пешком. Евгений развязал пленнице ноги и подтолкнул ее вперед.

– Шагай!

Таня тут же пнула его в голень, а затем, с разворота, попыталась ударить ногой в живот. Гордиенко ушел от удара и сделал ей подсечку. Девушка растянулась в грязи и застонала. Он помог ей сесть. Упала она не слишком удачно: спиной и затылком прямо на ствол поваленного дерева. Офицер ощупал ее голову. Пальцы стали липкими. Когда Гордиенко коснулся обширной ссадины, Таня вскрикнула. Если бы не волосы, собранные на затылке в «хвост», могло быть и хуже.

– Допрыгалась, валькирия? – Евгений поднял девушку на ноги. – Не шатает?

Она дернулась и зашагала вперед. Ее конвоира это вполне устраивало.

Примерно через полчаса трудного марша в гору он снова услышал позади подозрительные звуки и рассмотрел теперь уже отчетливые блики множества фонарей. Это точно была погоня, и отставала она всего лишь на двести-триста метров.

Гордиенко попытался сориентироваться на местности, но в крошечной темноте это было почти невозможно. Оставалось положиться на чутье. Он схватил Таню за плечо и потянул в глубь леса.

Минут через пять пленница сбила дыхание и начала спотыкаться. Гордиенко и сам был не прочь устроить хотя бы минутный привал, но враг приближался. Ветер немного поутих, а дождь прекратился совсем, и в наступившей звуковой паузе были хорошо слышны голоса и треск веток. Преследователей было много, и ориентировались они в темном лесу, как заправские охотники.

Евгений попытался вспомнить план местности. Где-то поблизости должны располагаться старые бетонные доты. Лет тридцать назад между этими сопками проходила секретная линия укреплений, так называемого «второго эшелона охраны границы». Большинство бункеров и тоннелей были разрушены, когда из этих мест вывели заградительные подразделения и ракетные «точки», но кое-что осталось. Запасная база разведки, собственно, в таких «наследных» подземельях и расположилась. Только не здесь, а на семь километров дальше.

Таня в очередной раз споткнулась и без сил рухнула на колени. Дышала она тяжело, и Гордиенко был вынужден убрать с ее губ липкую ленту.

– Привал тридцать секунд, – он тоже сел на мокрую траву и оперся спиной о ствол дерева.

– Голова болит, – тихо пожаловалась девушка. – Женя... мы... почему здесь?

– На пикник выбрались, – Гордиенко вытянул шею, пытаясь рассмотреть что-нибудь в лесной чаще.

– А зачем наручники и этот... кляп? Вы меня... похитили?

– А зачем ты кусаешься? – офицер усмехнулся. – Да еще ногами машешь – на черный пояс потянет.

– Я?! – Таня удивилась, как показалось Евгению, абсолютно искренне. – А мы сейчас где, в парке Прибрежный?

– Почти, – Евгений кивнул. – Километров на пятьдесят северо-восточнее. Мелочи.

– В заповеднике?! – девушка удивилась еще сильнее.

– Слушай, Танюша, я тебе все равно не поверю, так что не трать понапрасну энергию. Нам еще топать и топать. Каждая калория пригодится.

– Я плохо помню... Я действительно пиналась?

– Еще как, – Евгений поднялся. – Все, привал окончен, идем. Враг не дремлет. В отличие от нас.

– Нас преследуют? А кто?

– Это ты мне скажи, – Гордиенко помог ей встать.

– Александр? Тот, из сотовой компании, – предположила пленница.

– Возможно, – согласился Евгений. – Непонятно только, как он нас выследил.

Он вдруг развернул Таню к себе лицом и тщательно ощупал ее одежду снаружи и изнутри, без стеснения касаясь тела в самых интимных местах.

– Что вы... делаете?! – девушка просто задохнулась от возмущения.

– Проверяю одну мысль, – он повертел в пальцах какой-то предмет и выбросил его в темноту.

– А лапать меня зачем?

Женя ловко вынул из ее ушей серьги.

– Вы меня грабите?!

– Тихо! – Гордиенко развернул ее к себе спиной и снял с пальца колечко.

Боковым зрением Таня увидела, как он снова взмахнул рукой.

– Вы... – на глаза у девушки навернулись слезы. – Вы что, выбросили мое золото?

– Да. Так же, как ваш мобильник, заколку, помаду, пуговицу и несколько монет, – Евгений вернул ее в прежнюю позицию. – Теперь займемся одеждой. Раздевайтесь.

– Что? – Таня похолодела от страха.

– Помочь? – сурово спросил офицер.

– Я... хорошо... но я в наручниках...

– Малейшее подозрительное движение, и я вас застрелю, – обещание прозвучало донельзя убедительно.

Щелкнули «браслеты», и Таня неуверенно потянулась к молнии куртки.

– Быстрее! – Евгений поднял пистолет.

С такой скоростью Татьяна не раздевалась перед мужчинами никогда в жизни. Ровно через двадцать секунд она стояла в одних трусиках.

– Полностью!

Пришлось остаться в «костюме Евы».

– Теперь наденьте вот это, – Женя развязал вещмешок и протянул ей комбинезон из какой-то легкой, но прочной ткани, носки и пару кроссовок.

Таня оделась. Обувь была великовата, но девушка затянула шнурки потуже, и кроссовки стали почти впору. Наверное, впервые в жизни она поблагодарила природу за то, что удалась не только «модельным» ростом, почти под метр восемьдесят, и фигурой, но и размером обуви. Имея сороковой, из кроссовок сорок третьего не выпадешь. А вот если бы у нее оказался размер, как у большинства подруг... Девушка потуже затянула шнурки и выпрямилась. В тонком комбинезоне было на удивление тепло.

– Теперь вперед! – приказал Гордиенко.

– С тебя сто баксов, – Таня послушно развернулась и припустила в гору.

– За что? – Гордиенко спрятал пистолет и двинулся следом.

– За полученное удовольствие, – недовольно бросила она через плечо. – А еще ты мне должен новую одежду, сережки, колечко и телефон.

– Новую одежду я тебе и так подарил, – весело ответил Евгений, – насчет украшений тоже нет проблем. Наручники устроят? А мобильник у тебя накрылся, вода в него попала, когда ты в грязь лицом ударила.

– Не факт!

– Я уверен, так оно и было, – уже серьезно подтвердил Гордиенко. – Иначе ты до сих пор носила бы «браслеты» и лягалась, как сдуревший ослик...

* * *

Никаких бункеров Евгений не обнаружил. Беглецы немного отдохнули почти на самой вершине сопки и начали спускаться по противоположному склону. Погони слышно не было, но Гордиенко точно знал, что охотники совсем близко. Убедиться в собственной правоте ему пришлось довольно скоро. Когда они с Таней спустились все к той же «бетонке», только теперь на пару километров ближе к базе, в лицо ему брызнула кора и мелкие опилки. Евгений тут же обрушился на плечи спутнице и повалил ее на землю.

– Ну что еще?! – прошипела Татьяна. – И так сил нет...

– Молчи! – Гордиенко зажал ей рот. – Ползи к дороге. Только не вставай! Поняла?

Девушка попыталась изобразить кивок. Он выпустил ее из объятий и, убедившись, что Таня ползет в нужном направлении, скользнул в темноту, навстречу преследователям.

Они шли почти бесшумно. Некоторые были вооружены «винторезами», некоторые не держали оружие на виду, но на заблудившихся туристов тоже не тянули. Гордиенко дождался, когда цепь охотников пройдет мимо, и подкрался к одному из снайперов. Внезапного нападения не получилось. Противник был начеку. Незнаком как почуяв опасность, он резко выбросил назад приклад винтовки и едва не засветил Гордиенко в лицо. Евгений отпрянул и пнул снайпера в живот, а затем добавил рукояткой пистолета по затылку. Удар пришелся вскользь, и враг остался в строю. Он кувыркнулся вперед и, поднявшись на одно колено, направил винтовку на Гордиенко. Для рукопашного боя дистанция была неприемлемой, и Евгений выстрелил. Звук выстрела разнесся по лесу как сигнал к атаке. Вокруг тотчас засвистели пули.

Гордиенко рухнул на мягкую травяную подстилку и активно заработал локтями и коленями, уползая к дороге. Сквозь заросли справа кто-то ломился ему наперерез. Он на секунду замер, дважды выстрелил на звук и быстро перекатился на пару метров в сторону. Слева раздался сухой треск – в дело вступили «калашниковы» – и на том месте, где он только что лежал, сошлись две цепочки «трассеров». Гордиенко ответил беглым огнем, и один из «калашей» умолк. Зато в перестрелку вступили стрелки с прочим оружием. К шлепкам пуль бесшумного оружия присоединились хлопающие выстрелы пистолетов, треск еще нескольких автоматов и даже басовитый, простуженный лай дробовиков. Пули и картечь косили подлесок и сбивали ветви, не позволяя поднять голову и даже пошевелиться. Несмотря на канонаду, Евгений слышал еще кое-что. Его обходили с флангов. До полного окружения было пока далеко, но затягивать с отходом становилось крайне опасно. Он медленно, боком, словно краб, отполз под прикрытие узкой стены из нескольких толстых деревьев и рискнул подняться на четвереньки.

Бежать на четырех конечностях было непросто, но терпимо. Правда, и силы кончались в два раза быстрее, но добежать до подножия сопки следовало непременно. Ближе к дороге склон резко уходил вниз трехметровым обрывом. Когда-то здесь тек ручей и около километра «бетонки» пролегало по бывшему руслу. Овраг был единственной надеждой на спасение.

Впереди показался край дороги, и Гордиенко, выпрямившись, сделал три длинных прыжка. Вот он обрыв, последний шаг... сейчас будет краткий миг полета. Неожиданно что-то

сильно ударило Евгения в бок. От удара его бросило в сторону и прямо в воздухе развернуло на полоборота. Приземлился он жестко, но без последствий. Почти сразу ему удалось подняться и нырнуть в скрывающую «бетонку» воду.

Бок пронзала острая боль, но Гордиенко держался. Он переплыл на другую сторону шоссе и укрылся в придорожных кустах. Дальше двигаться не было ни сил, ни желания. Очень скоро на краю обрыва появились нечеткие тени и замелькали огоньки фонариков, но он не шевелился, и преследователи обнаружить его не смогли. В сидении между ветвей, по шею в холодной воде, кроме маскировки, имелся еще один плюс – это притупляло боль. Правда, в остальном процедура была, безусловно, вредной для здоровья.

Пользуясь передышкой, Гордиенко расстегнул куртку, защитное снаряжение и ощупал спину. На боку вздулся синяк, а любое движение или прикосновение вызывали острую боль. Сомнений не было: непобедимый «дедушка» российского спецназа сломал ребро. Или два. Просто смех и грех! Еще бы ножку подвернул или пальчик дверью прищемил. Супермен называется. Умора.

Евгений мысленно обругал себя за беспечность. Ударившая его пуля торчала в пластине бронежилета. Судя по тому, как она была ориентирована, без «брони» сломанным ребром дело бы не ограничилось. Или если бы стреляли не из пистолета, а из автомата.

С сожалением обследовав повреждения на теле и одежде, Гордиенко снова застегнул «броник» и куртку. Сидеть в воде предстояло еще долго, и разбазаривать тепло было ни к чему, а застегнутая одежда и в воде была одеждой, хоть немного, но согревала.

– Ж-жен-ня... – отстукивая зубами отчетливую дробь, прошептала неподалеку Татьяна. – Вы гд-де?

– Здесь. Только не кричите так. И пробирайтесь ко мне без плеска, очень медленно...

– Мен-ня трясет, – Таня никак не могла справиться с крупной дрожью. – Оч-чень холодно... Даже ваш костюм не с-спасает.

– Ничего, – Гордиенко протянул руку и нащупал ее плечо. – Выберемся, выжмем одежду. Ваш комбез, кстати, просохнет в момент. Сразу согреетесь.

– Пос-слушайте, мы же перешли на «ты» или нет?

– Это мысль, – Евгений притянул ее к себе. – Прижимайтесь... прижимайся ко мне плотнее. Так будет легче сохранить тепло.

– Ч-чур, не приставать, – Таня обняла его, прижимаясь всем телом.

Гордиенко было больно и приятно одновременно. Хотя и то и другое занимало его мысли ровно секунду. В следующее мгновение он вновь сосредоточился на рысцующих по берегу врагах.

Они спускались вниз, негромко переговариваясь.

– Точно тебе говорю, попал, – сказал один из преследователей. – Он как подкошенный рухнул.

– Ну и где тело?

– Буер, ты же в очках, видишь чего?

– Может, его унесло? Течение, как в Тереке... Зар-раза, сколько!

– Ты чего, на Тереке бывал?

– А ты – нет?

– Да я в Ханкале обе командировки просидел при штабе.

– Буер, Ивлев вызывает, лодки на месте нет!

– Может, и ее унесло? Течение-то...

– Как в Тереке, слышали уже. Быстро вниз по дороге! Кажется, «тело» все-таки улизнуло!

– Да я клянусь, что попал!

– Значит, неточно. Или он в «бронике» был. Говорил я тебе, возьми «тэтэшник». Чего ты приклеился к этому «кольту»?

– «ТТ» клинит иногда.

– Мозги у тебя клинит! Шагай!

Тени бойцов двинулись вдоль дороги и вскоре растворились в темноте. Гордиенко облегченно выдохнул. Положение немного улучшилось. Правда, беглецы остались без лодки, но зато выиграли время. И это было важно. Раз некто «Буер» носил «очки», скорее всего, ночного видения, начни бойцы прочесывать ближайшие кусты, найти затаившихся «зайцев» им было бы несложно. Эти ребята кое-чего стоили. Взять хотя бы их грамотные действия в лесу или упоминания об участии в войне на Кавказе. Теперь даже сам господь бог не сумел бы убедить Гордиенко, что эти бойцы являются простыми охранниками сотовой компании. Либо федералы, либо САУ. А поскольку чекистам и военной контрразведке делить нечего, второй вариант становился первым и единственным. А еще в его пользу говорил тот факт, что сначала агенты выследили беглецов с точностью до сантиметров, но потеряли след, как только переоделась Таня. Это означало, что в одежде или в карманах девушки прятался радиомаячок.

Евгений вспомнил, какой была его спутница до короткого боя ногами и «купания» в грязи. Просто берсерк в юбке. А что случилось потом? А потом она постепенно пришла в себя. Почему? Кончилось действие какого-то наркотика? Возможно. Хотя так быстро не выветривается даже шампанское. Почему же у валькирии вдруг «сели батарейки»?

Мысль вертелась совсем близко, но ухватить ее за хвост что-то мешало. Боль, холод, эта бурлящая повсюду грязная вода... Вода... Вот оно! «Батарейки сели» не у Тани. Сдох ее мобильник! Маячок был в телефоне. Когда его успели туда засунуть? Не вопрос. Секундное дело.

Это озарение, правда, не объясняло причины овладевшего девушкой помешательства, но хотя бы половина загадки была разгадана. Теперь заново взять след охотники не могли. Оставалось только уйти от них как можно дальше. А о расстройствах психики можно было подумать после.

Евгений выглянул из кустов и тут же спрятался обратно. Это движение вызвало громкий всплеск. На фоне наступившего затишья, почти штиля, всплеск был даже чересчур громким. И тот, кто сидел в лодке, сплавляющейся по реке-дороге, не мог его не услышать. Гордиенко снял с предохранителя пистолет.

– Та-аня, – громким шепотом позвал человек. – Это ты?

Он ухватился за ближайший куст, и лодка остановилась.

От холодной воды руки и ноги слушались плохо, но Гордиенко все равно оказался быстрее лодочника. Он одним прыжком запрыгнул в лодку и приставил ствол ко лбу человека. Дюралевое суденышко качнулось с борта на борт и зачерпнуло с пару ведер воды. Изумленный человек поднял руки и замер.

– Держись за куст! – приказал Гордиенко.

Лодочник спешно повиновался.

– Ты кто?

– Я... Дмитрий.

– Зачем тебе Таня?

– Женя, – из затопленных кустов выбралась девушка. – Я его знаю. Это мой... друг.

Гордиенко взял одной рукой за ветку и поднял пистолет стволом вверх.

– Помогай подруге.

Дима вытянул девушку из воды и укутал каким-то куском брезента.

– Спасибо, – стуча зубами, поблагодарила Таня. – Здоровью крышка.

– Выживем, – Евгений спрятал пистолет в кобуру. – Ты как здесь очутился... друг?

– Стреляли, – попытался пошутить Дмитрий.

– А точнее? – Гордиенко был подчеркнута серьезен. – Следил?

Дмитрий кивнул.

- За мной или за ней?
 - Давайте поговорим где-нибудь в сухом месте, – вмешалась Татьяна. – Иначе я кончусь.
 - Что сделаешь? – теперь Евгений не смог удержаться от улыбки.
 - Ласты склею. Как раз отросли, пока в речке сидела.
 - Есть поблизости сухое место? – обратился Гордиенко к Дмитрию.
 - Да, – парень завел мотор и развернул лодку против течения. – Минут пятнадцать, и будем на месте. Если вода не спадет.
 - Так быстро – не надейся. А что за местечко?
 - Бывшая ракетная «точка», – охотно поделился Дмитрий.
 - Серьезно? – Евгений иронично выгнул бровь.
 - Ее давно уже забросили, ну, мы с приятелями и облюбовали. Все равно пропадает.
 - Здесь же заповедник.
 - А мы не охотимся! Просто... ходим. Маршрутами.
 - Туристы старой формации?
 - Да. Именно так.
 - Врешь ты, друг Дмитрий, – Гордиенко неожиданно ухватил его за лацкан плаща и притянул к себе. – Какие у тебя дела с Агентурным Управлением?!
 - Никаких! Поверьте! Я не с ними!
 - Жень, отпусти его! – вступилась Татьяна.
 - Верю, – офицер разжал пальцы. – Раз не стал делать вид, что не понимаешь, о чем речь, значит, действительно не с ними. И с кем же тогда? Кому потребовалось за нами следить? Раскалывайся до седалища, раз уж начал. Чекист?
 - Нет, я вообще не из... структур. Я... мы... наблюдаем.
 - Астрономы-любители? Или клуб вуайеристов? За кем вы наблюдаете?
 - Мы собираем данные о Системе «Водолей»... Я не знаю, в курсе ли вы, что это такое. Хотя, судя по тому, что вытащили из их логова Таню...
 - Да, я в курсе, – подтвердил Евгений. – Дальше.
 - Мы считаем, что Система – это зло, и собираем этому доказательства. Пока их мало, но мы работаем не покладая рук. К нам попала серьезная улика... через Татьяну... и я опасался, что об этом узнают агенты САУ. Поехал к ней, а там уже никого. Тогда я махнул к офису сотовой компании... увидел, как вы садитесь в машину... ну и вот...
 - Видимо, так и произошло, – задумчиво произнес Гордиенко. – Агенты пригласили Татьяну к себе не за красивые глаза. Что за улика?
 - Пленка. От фотоаппарата. Ну, в смысле – фотопленка.
 - Я понял. Что на ней?
 - Мы сейчас приедем, и я покажу вам снимки. Словами это не опишешь!
 - Что, так вот запросто возьмете и покажете? – удивился Евгений. – Первому встречному-поперечному.
 - В вас стреляли агенты, значит, вы для меня союзник. Раз стреляли, но не убили – выгодный союзник.
 - Логично, – признал Гордиенко. – У вас в бункере согревающее имеется?
 - Печка.
 - А для внутреннего употребления?
 - Чай. Я его на лесных травах завариваю. Так тонизирует!
 - Танюша, и ты дружила с этим занудой?
 - Сама удивляюсь, – вздохнула Таня.
- Дмитрий насупился и до самого убежища не произнес ни слова.

Когда же лодка причалила к подножию холма, в склоне которого располагался вход в бункер, заговорить ему помешали несколько беглых выстрелов. Дима схватился за плечо и со стоном завалился на дно лодки.

– Накрылась печка с чаем! – Гордиенко пересел за руль и резко вывернул рукоятку газа. Мотор чихнул облачком сизого выхлопа, и лодка помчалась в «заливную» долину между сопками, навстречу едва забрезжившему рассвету.

– Надо чем-то перевязать! – запаниковала Татьяна.

– Если найдешь – чем, перевяжи, – одобрил Евгений. – Если нет, просто зажми.

– Как... рукой, что ли?

– Да.

– Голой рукой?

– Да, я же сказал.

Таня пошарила вокруг себя, но никаких перевязочных материалов не нашла и нерешительно протянула руку к плечу раненого.

– Так?

– Больно! – возмутился Дмитрий. – У меня платок есть.

– Давай, я его завяжу.

– Лучше его и прижми, – возразил Евгений. – Нормальной повязки из платка не выйдет.

– У меня еще бумага есть... – сквозь стиснутые зубы процедил раненый, роясь во внутреннем кармане плаща.

– Промокательная? – Гордиенко покачал головой. – Делайте, что сказано!

– Вот возьмите, пока кровью не залило, – Дмитрий протянул офицеру пачку фотографий в запечатанном полиэтиленовом пакете. – Если вы тоже стремитесь доказать, что Система вредна, вам они пригодятся.

– А где пленка?

– У меня. Но ее я не отдам. Высадите нас с Таней где-нибудь поближе к железной дороге. Вон там, прямо, как раз станция. Там наверняка найдется врач, или фельдшер, или хотя бы аптечка.

– Какой вы приткий, – Евгений усмехнулся. – За фотографии спасибо, но Таня в опасности, и с вами я ее не отпущу. А насчет пленки... вот доберемся до надежного места – не такого, как ваше, а действительно надежного – посмотрим снимки и решим, кому она больше пригодится.

– Пленку я не отдам!

– А куда вы денетесь?

* * *

Для непосвященных на этих трех полянах ничего не было. Трава и пара стожков прошлогоднего сена. Кто их сметал и почему не вывез, вопрос вторичный и не такой уж интересный. А больше в этих полянах не наблюдалось абсолютно ничего примечательного. Обычные проплешины посреди непролазных лесов в ложбине между двумя невысокими сопками. Это уже позже, сидя в сухой, теплой комнате, с коньяком в граненом стакане, можно было спокойно проанализировать факты и прийти к выводу, что во время урагана никакие стожки уцелеть не могли; их наверняка разметало бы тонким слоем на пару километров вокруг. Но сначала ни о чем таком Дмитрий и Татьяна не думали – до тех пор, пока Гордиенко не открыл в стене ближнего стога бронированный люк и не пригласил гостей в убежище. Затем был долгий путь по винтовой лестнице вниз, длинный коридор, еще три тяжелые двери, снова коридор и, наконец, благоустроенные комнаты, и склады, полные стратегических запасов. От одежды до коньяка. И конечно, здесь имелаась богатая полевая аптечка. Наложив Дмитрию качественную повязку и

вколов антибиотики, Гордиенко распечатал бутылку коньяка и налил спутникам по половине стакана.

– Тебе обезболивающего, а тебе против простуды...

Себе он налил примерно столько же из той же бутылки, но для «смазки извилин». Спустя пять минут жизнь наладилась. Еще через десять минут печка нагрела комнату, в которой расположились гости, до комфортной температуры, а Евгений выдал им по комплекту сухой одежды: комбинезоны, носки и кроссовки. Такие, какие уже были на Тане, но теперь точно по размеру. Затем добавил пару свитеров и две непромокаемых куртки с капюшонами. Пока они разбирались с одеждой, Гордиенко уселся за крашенный письменный стол и, включив лампу, принялся рассматривать фотографии.

– Здесь та-ак спокойно, – кутаясь в свитер, блаженно протянула Таня. – И тепло.

– Мы сто раз ходили этим маршрутом, – признался Дмитрий. – Даже привалы устраивали на этих полянах.

– Своими кострами всю оптику в перископе закоптили, – буркнул Евгений. – «Лысые романтики, таежные бродяги»...

– Мы же не знали...

– Еще бы вы знали, – Гордиенко сложил снимки обратно в пакет и сунул за пазуху. – Пленку придется у тебя изъять, друг Дмитрий. Это такая бомба, что от ее взрыва даже в этом бункере не спрячешься. Любителям тут делать нечего.

– Но ведь это наш материал и наша борьба!

– Только не надо пафоса, – Евгений поморщился. – Пленку на стол!

– Вы не понимаете! – Дмитрий нехотя выложил кассету. – Вы думаете, на снимках результаты зверств САУ?

– А ты как считаешь, стали бы агенты преследовать нас с таким упорством, будь там засняты чужие подвиги?

– Но каким образом они узнали... вернее, почему решили, что кассета у вас?!

– Что-то я не пойму, куда ты клонишь, – Евгений насторожился. – Таня добыла тебе пленку, так? Где она ее взяла? Сперла у агентов. Вот они и решили найти и вернуть утраченное.

– Они не могли знать, что кассета у Тани. Они вообще не знали, где эта пленка.

– Зачем же они дежурили у ее дома, когда началось землетрясение? Проезжали мимо?

– Они давно наблюдали за ней, – признался Дима. – Так же, как мы...

– Что?! – девушка резко развернулась к ухажеру. – Так ты за мной наблюдал?! То есть все наши отношения... были... чисто деловыми?!

– Нет, Танюша, ну что ты! Да, сначала у меня было такое задание, но после... так часто бывает, когда узнаешь человека ближе... я тебя полюбил!

Гордиенко прикрыл глаза ладонью и устало вздохнул.

– Ты скотина, Марков! – разбушевалась Таня. – Ты использовал меня как куклу, как подстилку! Вытер ноги и пошел дальше?! Ты моральный урод! Я тебя ненавижу! Как ты мог со мной так поступить?

– Прекрати, – Дмитрий насупился. – Прекрати истерику немедленно!

– Истерику? Ты же меня почти убил, бездушная ты тварь!

– Единственная тварь здесь... – ухажер вскочил с кресла. – Единственная бездушная тварь здесь – это...

Он побагровел и сжал кулаки.

– Ну, ну, заканчивай мысль, – отняв руку от глаз, подбодрил Гордиенко. – Или что, кишка тонка?

Марков рухнул обратно на стул.

– Что все это значит? – Таня перевела взгляд на офицера. Глаза ее были полны слез. – Женя, ты тоже за мной наблюдал?

– Чисто по-соседски. И не наблюдал, а присматривал. Из неопределенной, но сильной симпатии.

– Вы все чокнулись, что ли? – она промокнула слезы рукавом свитера. – Или хотите, чтобы я чокнулась? Объясните мне толком, что происходит?

– Вряд ли тебе станет легче, – сказал Евгений. – Да и лично у меня на сей счет пока одни догадки. Может быть, наш турист знает больше? Что скажешь, друг Дмитрий?

– Вы же видели фотографии, – раздраженно ответил Марков.

– А при чем здесь наша очаровательная спутница? Вернее, я догадываюсь, что существует некая связь, но какая и в чем ее природа?

– Я точно не знаю, но это как-то связано с Системой, – заявил Дмитрий.

– Н-да? – Гордиенко в сомнении покачал головой. – Как?

– Я не знаю! Но мы наблюдаем за всеми происшествиями, которые улаживает САУ. В них очень много странностей. А еще... нам пришлось испытать это на собственной шкуре. Год назад мы потеряли нескольких товарищей. Я думаю, они погибли в схватке с агентами Управления.

– Так все-таки это почерк САУ? – Евгений похлопал по карману с фотографиями.

– Я не знаю! – Дима снова вскочил, опрокинув стул. – Не знаю! Если бы можно было сказать определенно, САУ – это сам «Водолей» или святой дух, я бы так и сказал! Но я не знаю! Мне известно одно: среди нас есть тот, кто это знает! Но это не я!

– Да успокойся ты, – Гордиенко махнул рукой. – Заладил... Сядь!

Марков сел и дрожащей рукой налил себе еще коньяка. Евгений задумчиво проследил, как Дима выпивает, и покрутил в пальцах свой стакан. Сквозь жидкость на доньшке была видна выпуклая, перевернутая надпись «Ц 14 коп». И это было чертовски верно. Всем историческим заявлениям Маркова цена была не больше четырнадцати копеек. А то и меньше. В недавнем прошлом Татьяны действительно имелись белые пятна. Знал Евгений и о неприятной истории с пятью похитителями, которые сцапали рядового инженера и во время захвата были убиты. Вполне возможно, что это были те самые товарищи Дмитрия. В таком случае, он лукавит, что не из «структур», погибшие были федералами. Но все эти неуклюжие игры в конспирацию и связанная с ними ложь не имели сейчас большого значения. Важнее была иная тонкая связь – Таня в то время совершенно случайно приезжала по делам в тот самый город. Можно было подтянуть сюда и ее необъяснимый приступ кровожадности. А еще откровенный интерес к ней САУ. Но заходить с выводами настолько далеко Евгений не спешил...

– Так откуда, ты говоришь, пленка?

– Это была случайность. Ее выронил Шорников, но, похоже, он и сам не знал, что кассета у него...

– погоди! Кто такой Шорников и почему он не знал о кассете, если она выпала у него из рук?

– Из кармана.

– Без разницы.

– Вы сами знаете, кто это, Евгений, – неожиданно раздалось с порога комнаты. – Сидите спокойно!

Беглецы одновременно обернулись к двери. Комната вдруг наполнилась вооруженными людьми, которые быстро отняли у Гордиенко пистолет и взяли на прицел его спутников. Возглавлял группу захвата высокий статный мужчина с седеющей шевелюрой и пристальным взглядом серых глаз. Он неторопливо прошел к столу и взял пленку.

– Какая честь, – буркнул Гордиенко. – Как вы нас нашли, Борис Михалыч?

– В мою особую проницательность ты, конечно, не поверишь.

– Конечно.

– Тогда не буду томить... – он сделал шаг в сторону, и из-за его спины появился... капитан первого ранга Кулик.

– Прижали нас, Женя, – хмурясь, сказал он. – Сверху.
– Вы знаете, что на этой пленке, товарищ командир?
– Не знаю и знать не хочу. Поднимайся, поедem на базу. Финита...
– А свидетели?
– Гордиенко, встать! На выход шагом марш!
– Есть, – Евгений нехотя поднялся и бросил взгляд на Татьяну. – С меня сто баксов, не забыла? Я верну.

– Если свидимся, – обреченно взглянув на агентов, ответила девушка. – Спасибо тебе. Прощай...

– Сейчас соплю пуцу, – негромко произнес кто-то из бойцов.
– Слезу...
– И слезу.
– Буер, разговорчики.

До самого выхода на поверхность Гордиенко шел молча. Лишь усевшись на жесткую лавку в «уазике», он невнятно выругался и ударил кулаком по ладони.

Кулик также молча сел впереди и заговорил, только когда машина выбралась на мокрую лесную дорогу. Правда, заговорил не с Евгением, а с шофером.

– Давай по верхней тропе, там должно быть более-менее сухо.
– Так ведь она не выходит на шоссе, – удивился водитель.
– А кто сказал, что нам на шоссе?
– Мы не на базу едем?
– На второй полигон мы едем.
– А-а, тогда понятно.

Услышав словосочетание «второй полигон», Гордиенко сразу же успокоился. Игра не закончилась. Арбитры подыгрывали соперникам, но пока не прозвучала финальная сирена, ничего не решено. Он вынул из кармана фотографии и передал их Кулику.

– Все, как мы предполагали. Это делают не агенты Управления и даже не внештатные сотрудники. «Крыша едет» у самых обычных граждан.

– Наркотики? – внимательно рассматривая снимки, предположил командир.

– В самолете? Заранее никто не знал, что он будет захвачен. А после сигнала тем более никто на борт не поднимался. Это что-то другое. Выяснить бы, что есть общего у всех, кто это делал.

– Ты думаешь, их несколько?
– А вы считаете, что пятерых головорезов порвал на части кто-то один?
– Если этот Марков прав, год назад твоя подружка справилась в одиночку. Ты, кстати, наблюдал затмение, какие выводы?

– Ее будто подменили.
– Ценный вывод, – Кулик ухмыльнулся. – Может, это она от тебя обалдела?
– Дмитрий связывает ее приступы с Системой.
– Он готов все с ней связать. От глобального потепления до собственного запора.
– А что, если он прав?

– Система «Водолей» – это компьютерная сеть с расширенными возможностями. При чем здесь сдвиги по фазе у отдельно взятых людей? Что, у твоей крали повышенная чувствительность к радиоволнам? Такая повышенная, что она теряет волю и трогается рассудком? Или приемник в башке зашит, который вместо серого вещества работать может?

– Точно! – Гордиенко хлопнул по спинке водительского сиденья. – Теперь все сходится!
– Что сходится-то? – удивленно обернулся к нему Кулик.

– Все! – Евгений засмеялся. – Приедем, расскажу. Сейчас пока рано. Надо эту версию еще раз обдумать.

– Ну-ну, – командир покачал головой. – Обдумай. Мыслитель.

8 СВЕТ

После ужасной ночи полное ослепительного света и ярких красок утро казалось чем-то нереальным. Пронзительно синее, словно оно и впрямь хорошенько умылось, небо, насыщенная зелень леса и полированное золото солнца создавали ощущение беззаботности и покоя. Это было, конечно, иллюзией, но в нее так хотелось поверить...

Гордиенко и Кулик вошли в двухэтажное здание наблюдательного пункта полигона и поднялись наверх. Оттуда через широкие окна открывался отличный вид на освещенные ярким солнцем разливы. Вода постепенно уходила, оставляя после себя болото. Там, где почва была тверже, лежал толстый слой грязи, ила и мусора. И все-таки впечатление складывалось не слишком удручающее. Земля просохнет, дороги и столбы подремонтируются, дома подправятся, и жизнь войдет в прежнюю колею. Солнце в небе, значит, все хорошо...

– Товарищ капитан первого ранга... – с одного из продавленных диванчиков поднялся капитан Павлов.

– Отставить формальности, – Кулик махнул рукой. – Сразу к делу. Как там на дне?

– Проблемы. Три купола отключились от Системы. Мы кое-как в них пролезли. А когда тряхнуло, там еще и пожар начался. Автоматика справилась, но не сразу. Процентом тридцать помещений выгорело.

– А люди?

– А вот тут самое странное, – капитан замялся. – Когда мы вошли, примерно за пять минут до первого толчка, народ сидел по своим отсекам. Тихо так. Может, спали, может, медитировали. А после пожара все ожили и начали выползать в коридоры и технические залы. И никто из них не смог даже слова внятного произнести. Последнюю неделю помнят смутно, будто сон.

– Очень интересно, – Кулик взглянул на Евгения. – Что скажешь?

– Ни одного в трезвой памяти не нашлось? – спросил тот у Павлова.

– Один есть, да только он в купол проник за минуту до нас, – капитан указал на сидящего у стенок человека. – Наверное, из службы безопасности Города. Пытался к реактору пробраться, ну, мы его и прихватили.

– А из участников «медитации» никого не привезли?

– Нет. Пришлось срочно отходить. Слишком много вопросов нам задавали. Они же, когда увидели на часах дату, все как один на поиски истины рванули. А тут мы. Кто, да что... Вот мы и ретировались.

Гордиенко посмотрел на пленника и перевел взгляд на командира.

– Не слишком ли много совпадений?

– Слишком, – согласился Кулик. – Только выбирать нам не приходится. «Дают – бери, бьют – беги». Ты же хотел с ним побеседовать? Ну, вот и беседуй, пока он не сообразил адвоката затребовать или с Системой своей вонючей связаться. Заодно спроси, что он думает об аварии. А мы с Павловым покумекаем, что делать дальше.

Евгений подошел к пленнику и уселся напротив, оседлав жесткий фанерный стул. Несколько долгих секунд мужчины смотрели друг на друга молча. Затем пленник не выдержал:

– Мы знакомы?

– Капитан второго ранга Гордиенко, – представился Евгений. – Контрразведка флота.

– Не думал, что разведчики так вот запросто афишируют свою цеховую принадлежность, – мужчина едва заметно улыбнулся. – Шорников, программист.

– Очень приятно, Виктор Валентинович, – руки Гордиенко не подал.

– Так вы меня знаете?

– Я читал газеты.

Намек Шорникову был достаточно понятен. Год назад его фото частенько мелькало на первых полосах в связи с успешным освобождением из рук террористов.

– Чем могу быть полезен военной контрразведке? Никаких секретов я не знаю, контактов с иностранными гражданами у меня не было. Я простой инженер.

– Допустим, не простой, а целый менеджер девятого отдела Системы, – возразил Гордиенко. – А что касается секретов, нас они не интересуют. Мне хотелось бы услышать другое. Расскажите, откуда у вас взялась пленка?

– Какая пленка?

– «Кодак», двести единиц, двенадцать кадров.

– Обычно я пользуюсь «Фуджи».

– Тем более – откуда?

– Я не понимаю...

– Понимаете, – оборвал его Евгений. – Я спрашиваю о той самой пленке, которая выпала у вас из кармана в аэропорту. Ее подняла симпатичная девица, с которой вы позже уехали на одном такси.

– Пленка была не моя. А потому она осталась у девушки.

– И вы не знаете, какие кадры были там запечатлены?

– Нет. Я же сказал: это была чужая кассета.

– И с девушкой вы раньше не встречались?

– Никогда в жизни. Я бы ее запомнил.

– Вы прилетели с юга?

– Да.

– Вы видели в аэропорту захваченный самолет?

– Только прямую трансляцию. Из зала вылета ничего видно не было.

– А пассажиров с этого самолета?

– Их привезли в другой зал и держали там под охраной.

– То есть ни с кем из них в контакт вы не вступали.

– Определенно нет!

– Взгляните на это, – Евгений протянул ему пачку снимков.

Шорников медленно перебрал фотографии и поднял изумленный взгляд на офицера.

– Что это?

– Фоторепортаж с борта захваченного авиалайнера, – пояснил Евгений. – Впечатляет?

– Это... просто кошмар!

– Мы думаем, что это как-то связано с вашим «Водолеем».

– Что? Вот это... побоище? При чем здесь универсальная компьютерная система?! На такое зверство способны только люди! Да и как технически виртуальная Система может участвовать в конкретных делах? В ее распоряжении нет никаких вспомогательных механизмов. Ведь для такого... нужен как минимум робот-убийца.

– То есть вы допускаете мысль, что будь у «Водолея» десяток экземпляров такой «периферии»...

– Ни в коем случае! Система служит иным целям! Это не военно-прикладная программа и не компьютер наведения ракет. Это связующее звено между ранее несовместимыми сетями. Она призвана улучшать мобильную, спутниковую и проводную связь, ускорять обмен информацией, а не управлять роботами.

– Никто не говорит о роботах, – заметил Гордиенко. – На борту были только люди.

– Тем более смешно! Система – это вершина развития электроники, а люди – биологические субъекты. Как они могут пересекаться?

– Именно это я хотел выяснить у вас. Девятый отдел занимается проблемами оптимизации управления, не так ли?

– Управления Системой! – возмутился Шорников. – Понимаете, Системой, а не наоборот! Мой отдел разрабатывает технологии, позволяющие операторам ускорять ввод данных, быстрее реагировать на изменения и сбои, перенаправлять потоки информации. Но это управление по принципу «мастер-слэйв». Человек управляет машиной.

– И обратной связи быть не может?

– Исключено!

– Чем занимается отдел «ноль»?

– А при чем здесь... Это вообще не научный отдел. Под этим кодом проходит служба безопасности.

– Специальное Агентурное Управление?

– Нет, насколько я знаю, Управление – отдельная структура, оно лишь курирует безопасность «Водолея». А почему вы спрашиваете?

– Освобождением самолета занималось САУ.

– Ну и что?

– Пока ничего, но сопоставьте факты, Виктор Валентинович. Пленка, как вы ни отрицайте, была у вас. Как попала она к вам, пока неясно, но произошло это перед вылетом. Зачем ее подсунили именно вам, тоже вопрос. Можно предположить, чтобы заставить задуматься над возможными последствиями развертывания «Водолея».

– Система полезна! Единственное последствие – это благоденствие общества.

– И все же есть люди, которые считают иначе. И пока мне трудно с ними не согласиться. Слишком много странного творится вокруг вашей работы. Взять хотя бы активную деятельность САУ...

– В проект вложены огромные деньги, и Управление призвано защитить капиталовложения. Не вижу в этом ничего плохого.

– Защитить любой ценой и применяя любые методы? В том числе и методы устрашения? Но от кого агенты защищают Систему? И почему те, кто на нее нападает, делают это? Если ваш проект абсолютное благо, кому он противен настолько, что правительству даже пришлось создать новую спецслужбу?

Шорников хотел снова возразить, но поймал себя на мысли, что спорит ради спора. В чем-то этот военный был прав. Да и опасения насчет негативных последствий возможной обратной связи операторов с «Водолеем» давно обсуждались в отделе Виктора. Система не обладала самостоятельным мышлением и не могла «беседовать» с операторами, но некоторые из них утверждали, что мысленная команда, в отличие от ввода при помощи традиционных клавиш или голоса, частенько интерпретируется главным компьютером по-своему. Интерпретируется! А что есть способность к интерпретации, как не зачатки мышления? А мышление подразумевает и обратную связь. Пока ничего подобного не происходило, но Шорников знал лишь о том, что творится в технических отделах. А чем занимался отдел «ноль»? Взаимодействие сцепки Система – оператор было не опасным. Но что, если разработки Шорникова продолжили, например, в САУ?

Виктору вспомнились события годичной давности. Почему его похищали? Уж не потому ли, что его проект таил в себе потенциальную опасность и кто-то сумел просчитать последствия?

Он занимался только одним узлом проекта – оптимизацией управления его подуровнями. То есть улучшением перекрестной и прямой связи между разными блоками, а также между оператором и терминалом, на уровне мысленных импульсов. Но прикладного раздела он касался слабо, так приказали люди из САУ. Год назад это был обычный отдел, с небольшим штатом из бывших военных и при нем только-только создавалась опергруппа СБ под руковод-

ством Бориса Кравцова. Для чего потребовалась специальная группа и кто входит в ее состав, Виктор узнал уже после спасения. Положа руку на сердце, странности он заметил еще тогда, год назад. Взять хотя бы «ударную силу» отряда спасения: загадочную «женщину-вамп» со стеклянным взглядом, которая превратила пятерых террористов в отбивные буквально за минуту. Неужели этот Гордиенко прав и лаборатория при отделе «ноль» пошла дальше Шорникова?

– Когда меня освобождали... там, в группе захвата, была девушка, – словно бы размышляя вслух, произнес Виктор. – Я не уверен, но мне показалось, что она... не из агентов.

– Эта? – Евгений вынул фото из бумажника.

– Да, – Шорников поднял на него удивленный взгляд. – Это ваша... родственница?

– Почему вы решили? А-а... нет, – Гордиенко усмехнулся. – Я таскаю с собой снимок не из sentimentalности. Просто мы наблюдаем за ней уже почти полгода. Выходит, не напрасно.

– А вы наблюдаете за ней... здесь? – Виктор нервно потер ладони. – В городе?

– Вот еще одно фото, – Евгений достал из бумажника распечатку одного из кадров вчерашней съемки в аэропорту. – Узнаете фигурантов?

– Это я и... неужели это она?!

– Именно так. Чувствуете, какой интересный круг замкнулся?

– Вы думаете, она подошла ко мне специально?

– А вам кажется, что это воля случая?

– Но тогда пленку подсунула тоже она!

– Кассету привезли вы. Я вчера просмотрел один документальный фильм, там четко зафиксировано, что пленка выпала из вашей куртки.

– Тогда вам следует допросить эту... женщину.

– Допросим, – Гордиенко кивнул. – А вас я прошу вспомнить, что происходило в зале вылета. В мельчайших подробностях.

– Я же сказал – ничего особенного!

– Виктор Валентинович, вы до сих пор не поняли, что происходит?

– Нет, – Шорников сложил руки на груди. – Объясните на пальцах, будьте так любезны.

– Хорошо, – Евгений поднял фото Тани. – Она одна из тех, кто делает это... – Гордиенко указал на снимок побоища в самолете, – по прямому указанию САУ и при содействии Системы. Доступно изложил?

– Доступно, только бездоказательно, – Виктор нахмурился.

– Будь в моем распоряжении достаточное количество неопровержимых доказательств, вы бы давно остались без работы. Но это временные трудности, Виктор Валентинович, поверьте. Очень скоро я соберу все улики, и тогда уж, не откажите, добро пожаловать в свидетели.

– А если откажу?

– Тогда в обвиняемые.

– Но пока я могу быть свободен?

– Абсолютно. Приношу извинения за этот инцидент. Получается, мы вас похитили.

– Мне не привыкать. С другой стороны, раз идет тайная война, захват пленных оправдан.

Главное, не перегнуть палку.

– Рад, что мы нашли общий язык. Надеюсь, все останется между нами?

– Странно, что вы так решили. САУ не знает о вашем интересе к нему и Системе?

– Знает. И даже пытается нас остановить.

– То есть, доверяя мне, вы идете ва-банк?

– Нет, просто вам невыгодно рассказывать агентам о нашей встрече. Борис Михалыч весьма подозрительный тип. Вы готовы лишиться работы?

– Нет.

– Вот и ладно. До встречи, господин Шорников. Кто вас привез, тот и вернет.

Гордиенко обернулся в сторону Павлова и Кулика. Капитан догадался, о чем речь, и кивнул.

– Выдвигаемся через час...

Виктор прекрасно понимал, что все эти игры в добродушие и корректность не больше чем уловка, и даже если его отпустят, пристального наблюдения не избежать. А скорее всего, никуда его не вернут. Отвезут на еще какую-нибудь секретную базу и предложат Борису обменять пленного на информацию или что-то в этом роде. САУ крепко задело военных, а русский офицер сдаваться не привык. Война, значит, война. Из всех видов оружия и с любыми тактическими приемами. Шорников, с точки зрения военной контрразведки, был кем-то вроде полковника инженерных войск, и разбрасываться такими пленными неразумно. Понятно было, и зачем они пообещали Виктору свободу. Чтобы он расслабился и в приступе благодарности выболтал еще пару секретов.

«Занятные ребята, – Шорников про себя усмехнулся. – Однако Кравцов действительно зарвался. Еще немного, и он потеряет контроль над ситуацией...»

* * *

Связь куполов с Системой восстановилась так же неожиданно, как прервалась. Просто заработала. Никто не чинил антенны и не перезагружал компьютеры, не «прозванивал» кабели и не прогонял тесты по внутренним сетям. Все шлюзы разблокировались, в тоннелях заработали мощные насосы, а народ вышел из необъяснимого ступора и занялся привычными делами. Недоумения и тревоги было предостаточно, но психологические проблемы не мешали людям выполнять свои обязанности.

Что делает в главном отсеке купола «Шельф-3» стажер Геннадий Карасев, не поинтересовался ни один человек. На него вообще никто не обратил внимания. Гена спокойно прошел по дымному лабиринту закопченных коридоров почти до шлюза и мог бы, наверное, беспрепятственно покинуть купол тем же путем, каким в него проник, но выяснилось, что приемный отсек перед шлюзом затоплен.

– Насосы качают, а толку ноль, – у герметичной переборки стояли двое техников и какой-то человек в униформе Службы безопасности. – Наверное, наружный люк открыт.

– Там чья-то подлодка, – нехотя признался службист.

– А-а, ну тогда понятно. Перекосило, видать, крепежи, когда землетрясение началось. Теперь только снаружи исправить можно...

Карасев не стал задерживаться у входа в затопленный отсек. Покинуть купол можно было и по тоннелям. Их уже почти освободили от воды и теперь просушивали. Дело не пяти минут, но все же не такое долгое, как восстановление шлюза.

В отличие от потерявшегося где-то Виктора, стажер пока еще плохо ориентировался в коридорах и отсеках подводных кварталов. Отклонившись от знакомого маршрута всего на пару шагов, он почти сразу заблудился. Спрашивать дорогу у деловито снующих повсюду старожилов было как-то несолидно, и Гена решил искать выход самостоятельно. Кончилось это тем, что он забрел в обезличенный пожаром тупик, перепачкался в саже и, поскользнувшись в смешанной с золой пене, подвернул ногу. Хромать обратно, да еще в таком виде было унизительно, только ничего иного не оставалось. Карасев присел на какой-то оплавленный ящик, немного отдохнул и отправился назад, придерживаясь за стену. На пятом шаге стена вдруг отъехала в сторону, и перед Геной открылся вход в тоннель. Сделан он был так же, как все служебные путепроводы: монорельс, тележка и нить белых ламп под потолком.

Если тоннель, как положено, вел в административный купол «Глубинный-Центр», лучшего нельзя было и желать. Покинуть «Шельф-3» по одному из общих путепроводов не светило еще как минимум час.

На секунду в мыслях появилось сомнение. Если все пути в куполах затоплены, почему здесь сухо? Неужели автоматика так быстро справилась с «мелиорацией» в одном отдельно взятом путепроводе? А если он не был затоплен, почему раньше Система утверждала обратное? Вернее, вообще молчала о том, что служебная труба существует?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.